

НАШИ ТАМ

АЛЕКСАНДР НЕКРАСОВ

ВПЕРЕД,
РУСИЧИ!

Наши там (Центрполиграф)

Александр Некрасов

Вперед, русичи!

«Центрполиграф»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Некрасов А. Г.

Вперед, русичи! / А. Г. Некрасов — «Центрполиграф»,
2020 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-09099-7

Летняя вечерняя прогулка с девушкой по берегу Волги с самого начала складывалась не так, как ожидал Павел. Он никак не мог представить, что его Даша вдруг исчезнет, растворившись в глубине веков. А ему придется ринуться на ее поиски. Прямо так, в костюме металлиста, с магнитофоном в руках, очутиться... на Куликовом поле. Рискуя, не раз оказываясь перед нелегким выбором, порой впадая в отчаяние, будь то в плену у разбойников, в подземельях грозного царя или на тихоокеанском острове, Павел отчаянно движется вперед. Хотя с каждым шагом надежд на успешное завершение поисков становится все меньше.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09099-7

© Некрасов А. Г., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Глава 1. Узел времени	6
Глава 2. В стане князя Дмитрия	19
Глава 3. «Свой парень» – баба Надя	26
Глава 4. Русич!	31
Глава 5. Ожидание	45
Глава 6. В библиотеке Грозного	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Некрасова

Вперед, русичи!

Посвящая дочери. Ты для меня и есть – Вселенная!

© Некрасов А.Г., 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

© «Центрполиграф», 2020

* * *

Глава 1. Узел времени

Год 1380-й

– Сенька, а ты чего расселся, никак тут вечеровать собрался?

Васюк Сухоборец обернулся к Быкову, который хмуρο засопел, услышав соратника.

– Давай топай. Я послая пойду, – пробормотал он глухо и тут же громко добавил: – И куда прем? Сами в мышеловку лезем. Того и гляди сковырнемся шас в его. – Он обреченно махнул в сторону вечернего Дона. – Так и булькнешь только. Тут бы стояли да Мамаю поджидали. Пусть бы он через Дон сунуться попробовал.

– Тю-ю, малахольный. – Васюк обернулся на притихших и прислушивавшихся к разговору пещцев своей сотни. – Чай у Дмитрия Ивановича голова не ровня твоей. Зачем ему Мамаю ждать, коли в гости не зазывали? А Дон, он и за спиной русскому человеку не помеха. Бежать нам все равно некуда. Не затем с нами женки в Москве последним целованием прощались, чтобы мы пятки Мамаю показали. А тебе-то и вовсе свой зад выставлять не след, сраму на всю Орду и Русь не оберешься.

Дружный хохот потряс округу. И смутившийся, но все еще хмурый Сенька поднялся с земли, одной рукой взяв бердыш, а другой придерживая на ягодицах оторвавшийся клоч холщовых штанов, пошел вместе с сотней к берегу.

Дмитрий Иванович, наблюдавший эту сцену со стороны, улыбнулся. Но тут же эту мимолетную улыбку на челе его погасила тень забот и сомнений. Правильно сотник отметил: некуда русскому воинству бежать. Не затем спешили, опережая литовского князя Ягайло, который торопился на помощь Мамаю. Дон позади позиций, отступить некуда...

И не сомневался великий князь Московский и Владимирский в своем воинстве, в готовности каждого не пощадить своего живота за Русь святую, да слишком много пешей рати, пещцев, простых крестьян и горожан было в войске. Небывальцы, совсем неопытны в ратном деле, боя не видели. Дрогни один и... Дмитрий Иванович натянул поводья и поскакал вдоль берега, разгоняя одолевавшие его мысли. Что такое паника в сражении, ему приходилось видеть...

Над вечерним Доном опускался туман. Переправа шла дружно. Лишь гомон сдержанного разговора, плеск волн, бряцание мечей да копий, булав и сулиц да пофыркивание лошадей нарушали ночную тишину. Проезжая берегом, князь невольно обратил внимание на еще одну группу воинов. Степенно и внимательно осматривали и ласкали своих коней перед переправой Климент Поленин, Святослав, Григорий Судак. Но взгляд Дмитрия Ивановича остановился на юном лице Прошки Сапожника. С трудом сдерживал тот поводья разгоряченного коня, да и сам не мог на нем спокойно усидеть.

Молод, горяч, хоть и первая для него завтра будет битва, да уж удаль свою сумел показать парубок. Ведь именно он вместе со старшими ходил в сторожи к Мамаеву лагерю, и они языка оттуда выкрали. Тот и сказал, что не ждут монголы воинства русского, а стоят лагерем на поле Куликовом в ожидании своего союзника – Ягайло.

Знавал Дмитрий Иванович еще отца Прошки – Семена. Знатный был ратник, хоть и горожанин. Два года назад пал он на Воже, когда бежали монголо-татары с поля боя. Но дорога за каждую победу плата. И Прошка с того часа кормильцем стал в семье в свои неполные пятнадцать годков. Да и к ратному делу парня влечет. Ловок, удал, силен. Как-то для него сложится первая битва?..

Вновь помрачнело чело великого князя. Знал он, что для многих и многих битва эта станет последней. Но отступить нельзя. Доколе платить дань непотребную ненасытным завоева-

телям? Доколе сеять им смуту и раздор между князьями да землями русскими? Не совладать им с нами, коли мы вместе, а по одному – бьют. Ныне вся Русская земля поднялась на Орду. В войске Дмитрия Ивановича дружины союзных, вассальных князей, до полутора десятков городовых полков, пешее народное ополчение.

Окинул великий князь взглядом еще раз донские воды и направил коня к реке.

Дон, он как рубеж земли Русской будет за спинами воинов. Рубеж, переступить который нельзя. Но Мамай – хитрый воитель, тумены его хорошо обучены, у них за спиной свой «Дон».

– Ни один от вас, – услышали еще весной подданные приказ беклярибека, – не пашите хлеба, да будьте готовы на русские хлебы.

Так рассчитывал он прокормить свою Орду на Руси и разорить, вновь поставить на колени ее, начавшую было подниматься и возвышаться.

Ставки были сделаны. И начинавшийся туманный день 8 сентября 1380 года, светлый день Рождества Пресвятой Богородицы, еще не окрашенный потоками крови, должен был дать ответы на многие вопросы.

Год 2150-й

Вадька наконец-то остался один. Он давно ждал этого случая, и терпение было вознаграждено. Родители еще не вернулись из экспедиции на один из островов Тихого океана. Брат только что был вызван на конференцию, и дома его не будет как минимум неделю.

Целую неделю! Об этом можно было только мечтать. Главное, что ему никто не помешает пробраться к брату в лабораторию и привести в исполнение план, который он давно и детально разработал.

Вадька достал свою любимую, изрядно потрепанную книгу старинного издания. Именно она, «Республика ШКИД», уже несколько месяцев не давала ему покоя. Из тайника в стене вынул заранее приготовленную одежду. Весело рассмеялся, посмотрев на себя в зеркало, и, подойдя к двери лаборатории, в нерешительности остановился. Нет, готовность его не поколебалась, он только боялся, что брат перед отъездом сменил код замка. А даже этот узнать стоило ему невероятных трудов, находчивости и хитрости. Но дверь беззвучно отворилась, едва он набрал необходимые цифры.

Брат и не подозревал, что устройство кресла давно уже не секрет для Вадьки, который умел наблюдать, сопоставлять и время от времени задавать невинные вопросы. Так что теоретически Вадька был подкован неплохо. Но вот применять на практике свои собранные по крупицам знания еще не приходилось.

Поэтому, наверное, и похолодело у него в груди, когда опустился он на пластиковое сиденье. Да тут любой бы испугался. Но Вадька был не из тех, кто из-за простого страха отступает от намеченного. Хотя он и понимал, что поступает не совсем порядочно по отношению к брату и родителям. Вообще неизвестно, как отнесутся к его проступку, если кто-нибудь когда-нибудь о нем узнает. Дело может дойти даже до...

Нет, лучше уж об этом и не думать. Три дня ему вполне хватит, решил Вадька, а значит, никто никогда ни о чем не узнает. И он решительно установил рычажки на намеченных обозначениях: +, 1, 9, 2, 3, П. Плотнее вжался в спинку кресла и... нажал на большую красную кнопку на подлокотнике...

Год 1993-й

Павел заканчивал надевать костюм металлиста, собираясь на свидание. Конечно, это было не такое свидание, о которых пишут в книгах, да и Даша была ему не невеста. Но просто самому хотелось, чтобы это было свидание. И пусть Даша не таинственная незнакомка, встре-

чаться с которой мешает ревнивый соперник или жестокий отец, а простая девчонка, с которой вместе рос в одном дворе, но она была не хуже всякой там книжной графини или принцессы.

Что же касается невесты, то ни о чем таком Павел еще не думал, хотя было ему почти пятнадцать лет и считал он себя вполне самостоятельным и взрослым человеком. А Даше позволил потому, что действительно соскучился, так как целый месяц был в Москве.

Гостил у двоюродного брата, которого скоро должны были забрать в армию. Именно он, братец, широким жестом подарил ему свой выдавший виды костюм, который по большей части состоял из различных цепочек, браслетов, шипов, заклепок и других металлических штук. Материи там почти не было, да и та больше напоминала металлизированный брезент.

От такого воистину царского подарка у Павла аж дух захватило. В его родном городе ничего подобного ни у кого не было. Еще и из-за этого костюма, едва приехав домой, он сразу позвонил Даше. Очень хотелось поразить ее воображение.

Она жила через двор, в доме напротив. Их родители дружили семьями. Вместе переехали они и в этот небольшой, тихий волжский город, как говорили сами: «Подальше от цивилизации, московской толкотни и суматохи».

В душе Павел осуждал тот давний поступок родителей. Каждое лето он ездил в Москву, но это было совсем не то, что быть москвичом. Он так и оставался посторонним на этих молодежных тусовках, куда водил его брат, не мог до конца понять их жаргон и восхищался вольной и беззаботной жизнью, которую те вели.

В часто возникающих жестоких драках он старался участия не принимать. Не больно-то хотелось вернуться домой с разбитой челюстью, сломанным носом или выбитыми зубами. Но, приезжая домой, друзьям он рассказывал об этих драках так, как будто сам был непосредственным их участником, причем в самых первых рядах. И вот теперь этот костюм. Павел нисколько не сомневался, что, увидев его, даже самые недоверчивые из друзей поверят в его рассказы. Но больше всего ему хотелось поразить Дашу.

Встретиться они договорились через час. Хотя дело было к вечеру, но Даша, как сама сказала по телефону, еще не закончила стирку. Да и ему этот час был необходим, чтобы разобраться с костюмом, примерить его и привести в порядок.

Через некоторое время Павел застегнул последние заклепки, расправил цепочки, подтянул пояса и с удовлетворением посмотрел на себя в зеркало. Сам себе он очень понравился. Пожалуй, только прическа не гармонировала с костюмом. Ну да ничего, решил он, и так сойдет. Во всяком случае, носить на голове то, что носили его московские знакомые, он не согласился бы ни за что на свете.

Дверь открылась, и в комнату заглянула бабушка.

– Батюшки, – выдохнула она, – ты откуда эту хламиду достал, из Москвы приволок?

– Ты, как всегда, права, бабуля. – Павел весело рассмеялся.

– Сыми ты его и не позорь меня перед людьми, – рассердилась бабушка. – Они ведь подумают, что тебе дома надеть нечего.

– Чем больше ты сердишься, тем лучше костюм. Это аксиома. Ты ведь у нас ретроград. А в Москве сейчас так все ходят.

– Тьфу, срамник. Понахватался словечек у своих непутевых родителей и туда же. А про Москву ты мне лучше не выдумывай. Я хоть давно и не была там, но телевизор смотрю. Таких чучел там отродясь не бывало. Не успел приехать и уже бабушку всякими непотребными словами называть начал. Достукаются твои родители, доезжаются. А я тебе передачи в дурдом носить не буду. В таком костюме прямая дорога только туда. И диагноза ставить не надо. Я ему тут любимых пирогов с капустой напекла, а он...

Никакое бабушкино ворчание не могло испортить настроения. Да и по ворчанию бабы Нади он уже порядком соскучился в Москве. И хоть называл он не раз бабулю «свой парень»,

знал, что любит она его, и сердить попусту не хотел. Поэтому поспешил перевести разговор на другое:

– От предков-то ничего не было?

– Не от предков, а от родителей, – продолжала ворчать бабушка, – а чего от них дождешься, вот два письма на неделе пришло, так и там больше про черепки всякие.

Его и Дашины родители каждое лето уезжали в очередную археологическую экспедицию. На попечении бабы Нади оставались не только он с Дашей, но и две квартиры. Так было всегда с самого раннего его детства, и все к этому привыкли. И если Даша почти не доставляла бабушке хлопот, то про родного внука этого сказать было нельзя.

Павел быстро пробежал глазами оба письма. Бабушка была права. Там было много «ахов» и «охов» про какую-то очередную находку в очередном раскопанном кургане, и лишь в конце ему давались привычные родительские советы типа «слушать бабушку, не бегать допоздна на улице, не есть много мороженого, а то можно схватить ангину» и прочая чушь. И еще они сообщали, что вряд ли сумеют вернуться до начала занятий в школе.

Это известие Павла порядком огорчало. Своих родителей он тоже считал «парнями что надо», с ними было интересно. Тем более после каждой экспедиции в доме было настоящее столпотворение. Приходили и уходили знакомые и неизвестные ему люди. Разговоры, рассказы, вечеринки затягивались, к неудовольствию бабушки, порой до утра. Жизнь кипела ключом. И вот теперь все это откладывалось по меньшей мере на месяц.

– А ты им свою фотографию в этом костюме пошли, – с иронией посоветовала бабушка, поняв его состояние, – как получат, с перепугу сразу вернуться.

– Не вернуться. Может, лучше им телеграмму послать, что я сломал себе руки, ноги и голову?

– Типун тебе на язык, – в сердцах сказала бабушка, – плетешь чего ни попадя.

– А что такое типун? – немедленно отреагировал Павел.

– Не знаю, это еще моя бабка так говорила, но уж, во всяком случае, не лучше чирья, наверное...

– Вот здрасте, чего родная бабуля любимому внуку желает. А как же я тогда твои знаменитые пироги есть буду? Тем более мне бежать уже надо.

– Я те побегу. Марш за стол, пока чай не остыл. А потом иди куда хочешь...

Дожевывая на ходу пирожок и схватив магнитофон, Павел выскочил из дому и побежал, побрякивая цепочками, через двор. Даша как раз выходила из своего подъезда. Костюм произвел на нее неотразимое впечатление, правда, не совсем такое, как ожидалось. Увидев его, бегущего и громыхающего, она сначала испуганно отшатнулась, но, услышав радостное «Привет», застыла на месте, а затем, сдерживая смех, сказала: «Да тебя просто не узнать».

Павла как холодным душем окатило. Он хотел было рассердиться, но, глядя на девушку, разжечь в себе обиду не смог. Он лишь подумал, что никакие металлистки из московской тусовки ей и в подметки не годятся.

– Привет, – еще раз повторил он, – пойдём в кафешку?

Деньги у него были, и он хотел угостить Дашу мороженым.

– Ты знаешь, – дипломатично ответила она, еще раз взглянув на его костюм, – не хочется в такой вечер в духоте сидеть. Пойдем лучше на Волгу, на наше место.

Павел, не раздумывая, согласился. Было у них свое излюбленное место на берегу, с тихой заводью, с неприметной тропкой, вдали от шумных компаний и пляжа. В детстве они играли там в казаки-разбойники, став постарше – просто разговаривали, слушали музыку, мечтали...

Наступил уже поздний вечер или ранняя ночь, на небе появились первые звезды, а ребята все ходили, разговаривали. Говорил в основном Павел. Рассказывал, как провел время в Москве, что видел, что слышал. Даша больше слушала, лишь иногда задавала вопросы, соглашаясь или не соглашаясь с его рассуждениями.

Неожиданно, совсем рядом с тропинкой, не со стороны реки, а с другой, где рос густой кустарник, раздался какой-то громкий, пронзительный свист. И треск ломаемых кустов.

От неожиданности они опешили, стояли, молча всматриваясь в сгущающиеся сумерки, но из-за кустов ничего видно не было. Но кто-то там был, в этом они убедились, когда недолгую тишину нарушило чье-то невнятное бормотание.

По спине у Павла пробежал холодок, но отступить в присутствии Даши он просто не мог. Осторожно, стараясь не шуметь, он начал подкрадываться к кустам. Даша, затаив дыхание, пошла следом.

Идти далеко не пришлось. Уже через несколько шагов ребята различали в сумерках человека, который, ежесекундно чертыхаясь, пытался что-то вытащить из середины зарослей. Подойдя еще чуть ближе, Павел облегченно перевел дух. Вокруг кустарника бегал и суетился парнишка лет двенадцати – тринадцати.

Павел распрямился и смелее пошел через кусты. Ветки затрещали, забренчали металлические атрибуты костюма. А парнишка, услышав эти звуки, остановился и испуганно обернулся. Увидев перед собой парня чуть постарше себя в непонятной, уродливой одежде, он неуверенно поднял руку в пионерском приветствии и несколько даже вопросительно произнес:

– Всегда готов. – Но, заметив настороженное и недоуменное выражение на лице незнакомца, неуверенно затоптался на месте и, смущенно пожав плечами, спросил: – Не так?

Позади раздался веселый Дашин смех, от которого и Павел, и паренек разом вздрогнули.

– С вас можно картину писать, – продолжая смеяться, сказала девушка.

И действительно, вид для постороннего наблюдателя открывался любопытный. На расстоянии нескольких шагов друг от друга стояли два парня. Тот, что постарше, как бы служил иллюстрацией к брошюре о достижениях металлургической и металлообрабатывающей промышленности. Помладше же будто только-только сошел с обложки старой книги под названием «Пионер – всем ребятам пример».

Широкие до колена белые шорты, белая же рубашка с короткими рукавами, гольфы с сандалиями, а завершили картину новый с цветочками платок, повязанный наподобие пионерского галстука, и жизнерадостная панاما а-ля тридцатые годы.

Павел постепенно пришел в себя, внимательно осмотрел нелепо одетого паренька и, не удержавшись, рассмеялся вслед за Дашей.

– Ты что, из психушки сбежал? – весело обратился он к мальчугану.

Но паренек веселья не разделял. Услышав такие слова, он насупился, опустил руку и, взглянув на Павла исподлобья, негромко, но твердо заметил:

– А это еще надо разобраться, кто откуда сбежал.

Нет, Павел никогда драчуном не был, младших не обижал. Но то, что он мог простить Даше или бабушке, не собирался прощать первому встречному. От слов паренька его словно кипятком ошпарило. Какой-то сопляк норовит насмехнуться над его костюмом, да еще при Даше!

И Павел бросился на обидчика.

– Чур, маленьких не обижать! – схватив его сзади за пояс, закричала Даша.

Парнишка даже не отступил, только еще больше сжался, приготовившись к обороне. Буквально в двух шагах от него Даше все же удалось остановить нападавшего. И она тут же напустилась на Павла:

– Ты что, ударить его захотел? Тоже мне герой выискался перед младшим. Сам первый обзываться начал. – И тут же, обернувшись к пареньку, добавила: – А ты чего стоишь, скукожился, нашел где ночью шататься, да еще в таком виде. Дома-то, небось, мамка с папкой уже потеряли. И вообще, как тебя зовут?

Паренек посмотрел на Дашу, подумал немного, решил что-то про себя и, вздохнув, ответил:

– Во-первых, я не шатаюсь. Во-вторых, я не маленький, и неизвестно, кто кого из нас обидеть может. В-третьих, я не предполагал, что здесь уже почти что ночь, костюм я выбрал такой, как на рисунке, родители и брат у меня в командировке, так что никто меня не ищет, и зовут меня Вадик. Может, вы поможете мне кресло из кустов вытащить, – просяще добавил он, – пока совсем не стемнело.

Только тут ребята обратили внимание на предмет, который Вадик пытался вытащить из зарослей. Подойдя поближе, они удивились – это действительно было кресло. Правда, не совсем обычное, с какими-то рычагами, панелями с кнопками по бокам. В зубном кабинете, например, оно никакого бы удивления не вызвало. А здесь...

– Это кто же его запихал сюда? – удивленно присвистнул Павел.

– Никто, – коротко ответил Вадик, – оно само приехало. Помогите лучше.

После нескольких попыток удалось вырвать кресло из цепких объятий кустарника и поставить на землю. При этом сами они отделались лишь несколькими царапинами, а у Павла с костюма оторвалась одна из цепочек, на что он мужественно не обратил внимания.

– Ты где его нашел? – вновь задал Павел интересующий его вопрос. – И кто все же приволок его сюда, кругом ведь кусты?

– Говорю тебе, оно само приехало, – вновь ответил Вадик.

– Ага, а ты на нем, как ведьма на помеле, – усмехнулся Павел.

– Не веришь, так и иди отсюда.

– Ничего себе! – Павел даже возмутился. – Кресло ему, видишь ли, вытащи, а потом убирайся подобру-поздорову. А может, ты сам пойдешь? Причем один, без кресла. То, что ты его первым нашел, еще ни о чем не говорит. Может, о нем сообщить надо куда следует. Может, это катапульта с самолета сорвалась и ее сейчас везде ищут, – блеснул он познаниями в авиации.

– Сам ты катапульта, – беззлобно огрызнулся Вадик, – я же тебе говорю, что...

– Чего – что? – кипятился Павел. – Оно вообще тебе не по размеру, салага.

Сказав это, он подскочил к креслу и плюхнулся на сиденье. Но не успела его рука опуститься на подлокотники, как с каким-то диким криком Вадька прыгнул на него, вцепился в волосы, и через мгновение они уже катались по земле, волтузя друг друга кулаками.

Даша бегала вокруг этого бренчащего клубка тел и тщетно пыталась разнять противников. Поняв бесполезность своих попыток, она от отчаяния остановилась и пронзительно закричала своим звонким голосом:

– Милиция!

Противников как холодным душем окатило.

– Агас! – закричал Павел, отпрыгивая в сторону.

– Где милиция? – с заинтересованным азартом спросил Вадька, поднимаясь с земли и отряхивая с себя пыль.

Увидев, что противники оказались на почтительном расстоянии друг от друга, Даша быстро встала между ними.

– Мальчики, перестаньте драться. Хо-ро-ш, – растянула она слово, глядя на Павла. – Да и ты не лучше, – обернулась она к «юному пионеру». – И чего сцепились-то? А ты бы лучше рассказал, чего знаешь, может, мы и помогли бы дотащить это кресло до твоего кружка юных техников, – приговаривала она, энергично отряхивая поднявшегося с земли Вадьку.

– Никуда его тащить не надо, – громко чихнув, ответил Вадька, – это моего брата машина. Она ему по решению Совета выделена для лаборатории.

– Так тут еще и брат должен быть?

– Да нет, я же говорил, что брат в командировке.

– А ты, значит, пока его нет, стянул кресло, – вставил Павел.

– Не обращай на него внимания, – сказала Даша, заметив, как напрягся парнишка, – а то опять подеретесь. Тогда уж правда придется милицию вызывать. Лучше рассказывай.

– Да нечего рассказывать, – снова насунился Вадик. – Лучше... – Он на секунду замолчал, помялся и, глядя прямо девушке в глаза, спросил: – Лучше скажи, какой сейчас год?

– Еще не легче. – Даша приложила свою ладонь ко лбу мальчика. – Вроде и не перегрелся.

– Потеха, – смеясь, ответил Павел, на которого по-прежнему никто не смотрел. И тут же добавил: – Я же говорил, что он из психушки сбежал.

– Тысяча девятьсот девяносто третий, – поспешила сказать Даша.

– От Рождества Христова, – не преминул добавить Павел.

– Девяносто третий? – изумленно переспросил Вадик, – девяносто третий?

Он бросился к креслу и, склонившись над панелью, начал внимательно изучать какие-то цифры. Ребята подошли поближе.

– Вот балбес! – Вадик выпрямился. – То-то, я гляжу, вы какие-то не такие. Просто я поспешил, двойку с девяткой перепутал, вот не туда и попал, – добавил он, усаживаясь в кресло. – Ну ладно, я сейчас уеду, – и начал переключать какие-то рычаги. Кресло вдруг негромко загудело.

– А ты ничего не забыл? – нашла Даша, почувствовав, что дело принимает какой-то нереальный, совсем фантастический оборот.

– А что? – оглядываясь, заерзал на сиденье Вадик.

– Ну вот, а еще пионер, хоть бы спасибо сказал, что кресло помогли вытащить.

– Да пусть едет, – с иронией заметил Павел, – поглядим, как это у него получится.

– Получится, – уверенно сказал парнишка, поправил на шее сбившийся платок и добавил уже повеселевшим голосом: – Ну что ж, спасибо за теплый прием, – и положил руку на красную кнопку на подлокотнике.

– Погоди, – бросилась к нему Даша.

Вадик вопросительно поднял глаза.

– Слушай, – как-то смущенно и робко спросила она, – а ты очень спешишь?

– А что?

– Может, расскажешь, что это такое. – Даша показала на кресло и уже более уверенно добавила: – Да и умыться тебе надо, куда ты в таком виде поедешь? Если и вправду уедешь.

– А где тут можно умыться? – спросил Вадик, для которого последний аргумент оказался более весомым, чем просьба что-то рассказать.

– Да тут Волга в двух шагах, – ответила девушка, махнув рукой в сторону реки.

– Волга? – изумленно переспросил парнишка, вылезая из кресла.

– Конечно, Волга, – не менее удивленно ответила Даша.

– Ладно, – сказал Вадик, оглядев притихших ребят. – Я вам сейчас быстренько все расскажу, а поверите или нет, это ваше дело. В общем, никакое это не кресло, – серьезно и даже несколько важно начал он, – а машина времени. Я прочитал вот эту книгу. – Он достал из кармашка в кресле «Республику ШКИД». – И очень захотел побывать в этом времени. Правда, точно не знал, куда надо ехать, решил настроиться на тысяча девятьсот двадцатые годы. Наверное, поспешил, двойку с девяткой перепутал, вот у вас и оказался. А оделся как в книжке было нарисовано. Приехал, а вы тут совсем не такие, я даже испугался поначалу... Вот и все, – добавил он после некоторого молчания, глядя на растерявшихся ребят.

– Так это твое кресло? – наконец спросила Даша.

– Нет. Я же сказал – брата. Он у меня ученый, историк. Сейчас уехал на конференцию.

– Он тебе разрешил машиной пользоваться?

Вадька насунился и промолчал. Именно это заставило Дашу поверить в то, что все рассказанное – правда.

– С вами, мальчишками, всегда так, – сказала она, – считаете себя умнее других, а сами пакостите. Сам-то ты в каком году живешь?

– В две тысячи сто пятидесятом, – угрюмо ответил Вадька.

– Вот-вот. А если ты у нас в двадцатых в какую-нибудь банду попадешь? Тогда ведь война была, гражданская. Ты хоть об этом-то подумал? Поставят тебя к стене, как шпиона какого-нибудь, и никакой брат не поможет.

– Ладно тебе, – пробурчал парнишка, – еще ты мне будешь лекцию читать. Твое-то какое дело, уеду сейчас, и живи себе спокойно. Выискался тут, реликт говорящий.

– А сам-то ты кто, – обиделась на реликта Даша, – ноль без палочки. Ты в своем-то веке еще никто, у брата машину своровал, а строишь тут из себя профессора. А у нас тут тебя пока еще и в «проекте» нет, ты даже не молекула, ты никто.

– Да подождите вы, – обрел наконец-то дар речи Павел, поверивший наконец, что ребята не ломают перед ним комедию. – Это, что ли, машина времени? – Он осторожно еще раз обошел вокруг кресла. – А как она работает?

Но Вадька, не обратив внимания на его слова, вдруг впился взглядом в магнитофон, который Павел поднял с земли.

– Ух ты! – восторженно сказал он. – Покажи! Я такую модель еще не видел.

Павел протянул ему свою порядком потрепанную и простенькую «сонату».

– Слушай! – восторженно начал Вадька. – Давай махнем. Я тебе за него две... – И, споткнувшись на полуслове, он вдруг замолчал и сник, вспомнив, что у него с собой ничего нет. Затем вздохнул, полез в карманы кресла, достал книгу и, с жалостью глядя на нее, добавил: – Ладно уж, бери книгу, пользуйся моментом.

– Книжку за магнитофон? – пришла очередь удивляться Павлу, и он энергично повертел пальцем у виска.

– На настоящей бумаге, – показал, перелистывая страницы, Вадька, но, вспомнив, в каком году он находится, вздохнул и положил книжку обратно в карман кресла.

– А ты покажи, как машина работает, – почувствовав себя хозяином положения, предложил Павел. – Я тебе, конечно, не магнитофон, но кассету подарю. На ней классный «металл» записан.

Вадька поспешно сунул протянутую ему кассету в тот же карман на кресле и, в восторге от выгодно заключенной сделки, начал объяснять:

– Да тут все просто. Я уже давно понял, как она работает, только все момента не было попробовать. Вот видите панель, – ребята склонились над подлокотником «кресла», – здесь всего-то шесть регуляторов. Сначала устанавливаем «+» или «—». Это значит в нашу эру или до нашей эры. У этого регулятора всего два положения и есть. Потом четырьмя регуляторами устанавливаем год. Вот, например, 1990. Хотя, как я сам понял, последняя цифра вполне условная. Машина не совсем точная, и несколько лет туда или сюда – вполне допустимая погрешность. И у последнего регулятора тоже два положения. Или устанавливается буква «П», это значит перенос вместе с креслом, если путешествуешь один. А можно установить «З», – он передвинул рычажок, – это значит заброска, когда в прошлое собрались несколько ученых. Тогда один садится в кресло, машина забрасывает его куда надо, а сама как бы остается на месте, затем садится другой, и в этом режиме она точно доставляет его туда, куда высадился первый, а последний переводит регулятор на «П» и приезжает к остальным вместе с креслом. Понятно?

Ребята дружно кивнули.

– А вот это что за кнопка? – спросил Павел, указывая на другой подлокотник.

– Это возвращение в исходную точку, то есть в лабораторию.

– А вот эти? – Даша показала на целый ряд выключателей, рычажков, расположенных сбоку под сиденьем.

– Не знаю, – смущенно почесал в затылке Вадька, – это, наверно, для специалистов. Во всяком случае, я и без них к вам доехал. Ну, пойдем умоемся, – добавил он, обращаясь к Павлу и разглядывая свои руки, – никогда прямо так в реке не умывался, да еще в Волге.

– А как вы там живете? – задумчиво спросила Даша.

– Нормально, только у вас тут, наверно, интересней, а уж в двадцатых годах – сплошные приключения. Я сам читал, – гордо добавил он.

– Ладно, бегите умойтесь, потом расскажешь.

И когда ребята уже почти скрылись за кустами, крикнула вдогонку:

– Посидеть на кресле можно?

– Садись! – крикнул Вадька. – Только кнопки не нажимай...

Продравшись через кустарник, ребята спустились к берегу Волги.

– Ух ты, красота-то какая! – восторженно произнес на бегу Вадька. – А огней почти нет.

Тишина ранней ночи уже окутала великую реку, в волнах которой отражались высыпавшие на небо звезды, яркий серп луны, да бросал чуть выше по течению свои огни небольшой волжский городок.

– Так вы там живете? – махнув в сторону этих огней, спросил Вадик.

– Конечно, а ты где?

– Я на Алтае, в Сростинском научно-культурном центре.

Ребята вместо того, чтобы просто умыться, не стовариваясь, разделись и бросились в воду.

– А как же ты сюда попал? – поразмыслив над сказанным, спросил Павел. – Лаборатория тоже на Алтае?

– Да.

– Но почему тогда ты здесь очутился? Ладно, допустим, в машину времени я поверил, но почему она тебя именно сюда доставила, а не осталась на том же месте? Или же ее можно настроить и очутиться где угодно?

– Не знаю, – беспечно пожал плечами Вадька, – но настраивать ее можно только во времени. Куда забросить, она сама выбирает, а как и почему так происходит, я еще не знаю.

– А если она тебя посреди океана бы высадила?

– Если бы да кабы... Высадила, тогда и думать чего-нибудь стал, – ответил Вадька, вылезая на берег. Он быстро надел свой незамысловатый костюм и присел, ожидая, пока Павел разберется с заклепками и цепочками.

А у того в темноте не все ладилось. С трудом, чертыхаясь, он наконец-то натянул брюки и только взялся за куртку, как из-за кустов, как раз с того места, где они оставили Дашу, раздался ее громкий, тут же оборвавшийся крик.

Вадька сразу вскочил и бросился к кустам. Опешивший было на секунду Павел побежал за ним, в мозгу его пульсировала только одна мысль: «Что-то случилось с Дашей».

Через кусты он продрался вперед Вадика, оставив на ветках зацепившуюся куртку. Кресло было пустым.

С каким-то отчаянием Павел подскочил к нему, начал ощупывать сиденье, подлокотники, как будто надеялся, что девушка могла спрятаться в складках или за рычагами машины. И в это самое мгновение позади раздался дикий крик Вадьки, который со всего разбега налетел на него и попытался оттащить от кресла. Но от толчка Павел потерял равновесие и полетел на землю. Падая, судорожно схватился за какой-то рычаг, но не удержался, а лишь повернул его до отказа...

Ребята молча и уныло сидели в темноте у пустого кресла. Оно по-прежнему ровно и негромко гудело.

– Как же я его не выключил, – в очередной раз покачал головой Вадька.

– Чего теперь гадать, ты лучше придумай что-нибудь, – грустно отозвался Павел. И, вздохнув, добавил: – Теперь уж и бабуля нас потеряла. Волноваться будет.

– Придумай, придумай, – схватился тот руками за голову, – тут и думать было не надо, если бы ты настройку не сбил. Всего-то и делов было, садись в машину да езжай за ней. А сейчас? Поди разберись, куда она поехала.

– Ага, я же и виноват, – отозвался Павел, – сам налетел сзади как ураган. Тут не только рычаг, все кресло перевернуть можно было.

– Так я же испугался, – смущенно оправдывался Вадик, – и ее нет, и ты в кресле шаришься. Может, вы сговорились. Вот и получилось.

– И все равно она не могла сама нажать кнопку. Даже не потому, что у нее смелости не хватит. Просто она очень дисциплинированный человек. Совсем не то, что я.

– Автоматически машина не срабатывает, а ее нет, значит, нажала. Случайно или не случайно, но нажала.

– Ну и чего делать будем?

Вадька молча поднялся с земли и подошел к креслу. В ночном небе светила луна и холодно освещала все вокруг. Наклонившись еще раз, он внимательно всмотрелся в панель. Позади над ухом сосредоточенно засопел Павел.

– Как тут ее найдешь? – негромко, как бы рассуждая сам с собой, произнес Вадик. – «Плюс» – это, конечно, в нашей эре. А дальше? Один, В, восемь, ноль. Тысяча икс восьмидесятый год. И угораздило тебя рычаг столетий выключать. «В» – это значит выключено. Какая там цифра была? В каком она теперь веке? В тринадцатом? Пятнадцатом? Десятинадцатом? Хорошо, что «З» стоит, а то бы вместе с креслом исчезла.

– Слушай, может быть, мне домой вернуться? – спросил он, повернувшись к Павлу. – Втыку, конечно, получу, но брат чего-нибудь придумает.

– Не-е-е, – неуверенно протянул тот, – ты улетишь, только тебя и видали.

– Ты за кого меня принимаешь? – рассердился Вадька. – Я же как лучше хочу...

– Да не злись ты, – остановил оскорбленного парнишку Павел, – я не про то. Ты же сам говорил, что и разброс во времени существует, и не знаешь, как на Волге очутился. Говорил?

– Говорил.

– Вот и подумай, ты сейчас улетишь, а назад как вернешься? То-то и оно, даже если очень захочешь, и то не сможешь. Самим надо искать.

– Легко сказать. А как?

Павел ненадолго задумался.

– Ты говоришь, родители и брат у тебя в командировке, а когда они вернутся?

– Родители еще не скоро, а брат через неделю, но может и дня через три нагрянуть. А к чему это ты?

– Значит, в нашем распоряжении как минимум три дня, пока тебя дома хватятся.

– Ну да, – заинтересованно ответил Вадька, догадываясь, что Павел что-то придумал.

– Шансы, конечно, не велики, – продолжал задумчиво рассуждать тот, – но попробовать стоит.

– Да не тяни ты, говори, что придумал.

– Надо лететь по ее следам.

– Не лететь, а ехать. Только где же след?

– В каждый век поочередно в восьмидесятые годы. Даже если на всю экспедицию потратить двое суток, то на каждый век придется часов по пять.

– А спать когда?

– По четыре часа. К тому же часть веков можно пропустить.

– Это почему? – заинтересованно спросил Вадька.

– А ты помнишь, что цифры на подлокотнике, когда ты объяснял, совсем другие ставил?

– Да, другие.

– Значит, эти поставила Даша. Представь себе, если она даже и не собиралась никуда улететь, то все равно на подлокотнике выставила те цифры, вернее, тот год, который ее чем-то привлекал. А чем может привлекать десятый или там пятнадцатый век? Я про них, честно говоря, и не знаю ничего.

– И я не знаю, – печально подтвердил Вадька, – я и про ваш-то век мало чего помню.

– А вот шестнадцатый, семнадцатый века, я понимаю, это уже интересней, – продолжал рассуждать Павел.

– Чего в них интересного-то?

– Ну, не знаю, – пожал плечами Павел, – балы там всякие, гусары, Пушкин, а что еще девчонку заинтересовать может? Во всяком случае, хоть какая-то цивилизация уже была. Получается, если несколько веков отбросить, то в каждом из оставшихся еще больше времени проводить можно будет.

– Да хоть за целый день, чего мы там узнать-то сможем?

– Не знаю еще, но она обязательно о себе какой-то след оставлять будет. Не думаю, что она туда переселиться решила и догадывается, что мы ее искать будем. Значит, шанс есть.

– Ты же сам говорил, разброс времени и все прочее. Может, мы совсем в другом месте земли очутимся от нее. Как тут искать?

– И все равно, хоть небольшой шанс, да есть. Или ты можешь что-то лучше предложить? Вадька задумчиво засопел.

– Нет, не получится, – наконец сказал он.

– Почему?

– А мы сюда вернуться все равно не сможем.

– Это почему? Ведь ты говорил, что машина настраивается на точку отправления, и если нажать на ту кнопку, то она возвращается в исходный пункт.

– Но ведь исходный пункт – лаборатория!

– А перестроить на это место нельзя?

– Конечно, можно.

– Так настрой.

Вадька не стронулся с места.

– Чего ты? – нетерпеливо спросил Павел.

– Но ведь тогда я не смогу точно и в свое время попасть домой, – негромко и как-то виновато сказал парнишка.

– У, черт, – от отчаяния Павел вновь сел на землю, обхватив голову руками, – но не можем же мы оставить ее там одну, без помощи.

Он сидел так, не замечая ни ночной прохлады, ни комаров, облепивших его обнаженный торс. Сидел и отчаянно пытался придумать выход из этой ситуации. Погруженный в свои мысли, он даже вздрогнул, когда подошел Вадька и положил ему руку на плечо.

– Вставай, я перенастроил кресло.

До Павла не сразу дошел смысл сказанного.

– Перенастроил? – переспросил он.

Вадька молча кивнул.

Поняв, что произошло, Павел вскочил, схватил паренька за плечи и взглянул ему прямо в глаза.

– А ты-то, ты-то как? Обратного-то? Может, еще чего-нибудь придумали бы?

– Семь бед – один ответ, – безнадежно махнул рукой тот и отвернулся, пытаясь скрыть намернувшиеся на глаза непрошенные слезинки. – Я-то все равно домой смогу вернуться. Может, не в лабораторию и не совсем в свой год, но все равно к себе. Хоть и накажут меня

крепко, может, и брату из-за меня достанется, но все равно поймут. А тебе же тут никто не поверит, да и девчонку жалко.

– Ну ты молоток! – радостно сказал Павел. – Спасибо. – Он протянул пареньку руку, и они обменялись крепким рукопожатием.

– Так что, поехали? – смутившись, спросил Вадька.

Павел сходил к кустам, высвободил свою куртку и натянул ее на плечи.

– Ты знаешь, – сказал он, вернувшись к креслу, – только вместе нам ехать никак нельзя. Я один должен.

– Так мы не договаривались, – покачал головой Вадька и добавил: – Если уж один, так я поеду, а ты – нет.

– Да ты пойми, – загорячился Павел, – нам сейчас как можно меньше глупостей наделать надо, а то совсем запутаемся и все потеряемся.

– Вот поэтому я и поеду, – решил Вадька, – ведь я же лучше машину знаю.

– Машину-то, конечно, лучше, – согласился Павел, – а Дашу? Ведь ты ее как следует и в лицо-то не запомнил. Это во-первых. Во-вторых, я все ее привычки знаю, а ты совсем из другого времени, даже если она оставит какой-либо знак, ты его можешь даже и не заметить. Ведь для тебя что семнадцатый, что двадцатый век – явление прошлое, так что мне-то легче будет ее след отыскать.

С этими доводами Вадик был вынужден согласиться.

– Но почему не вместе? – все же спросил он. – Ведь здесь от меня никакого толка не будет, а там я чем-нибудь помог бы.

– Ты только не обижайся, – Павел положил руку на Вадькино плечо, – я не знаю, как у вас там, в будущем, делается техника, а вот нашу – знаю. Так у нас во многих механизмах предусмотрена так называемая защита «от дурака». Может, ты слышал, это для того делается, чтобы кто-то незнающий не мог по своей глупости вывести технику из строя. Мне кажется, и у вас должно быть предусмотрено что-то такое на непредвиденный случай, и в этой машине тоже. Может быть, она след какой-то оставляет. А может, в лаборатории где-то фиксируется, куда она уехала. Может такое быть?

Вадька кивнул.

– Я даже помню, – сказал он, – что брат уезжал на вырубку к какому-то своему коллеге-историку, который был в прошлом на своей машине времени. Только как это делается, как он его искал, я не знаю. – И он печально вздохнул.

– Вот видишь. Представь, что тебя начнут разыскивать, прилетят сюда...

– Приедут, – поправил Вадька.

– Ну, приедут, а ты уже по другим векам путешествуешь. Даже если я останусь, они меня не знают, ведь им нужен только ты, только тебя они знают, только с тобой они пойдут на контакт. А тогда вместе вы сможете помочь и мне, и Даше, если что случится. Вот это и есть в-третьих, почему ты должен оставаться здесь.

С этими доводами трудно было спорить, и Вадька лишь согласно кивнул. Грустным взглядом он оглядел окружающие их кусты, пожегся от ночной прохлады и еще раз печально вздохнул.

– А вот это уже в-четвертых, – улыбнулся Павел, поняв его невеселые мысли, – если мы с Дашей исчезнем отсюда даже на два дня, не сказав никому ни слова, бабуля не только весь город, всю страну на ноги поднимет. Шуму тогда не оберешься. Поэтому ночевать тебе здесь ни к чему. Пойдешь ко мне домой и будешь перед бабулей «держат оборону».

– Да она меня на порог не пустит, что я ей скажу-то?

– Это ты зря, бабуля у меня – свой парень. Только что бы ей получше сочинить-то? – Он немного задумался. – Во! Скажешь, что мы с Дашей встретили дядю Петю, и он уговорил

нас поехать с ним на дачу, на рыбалку, денька на два. А домой заскочить не успели, так как опоздали бы на электричку.

– Куда вы делись – понятно, а откуда я взялся?

– Ты? – Павел почесал затылок. – Скажешь, что приехал к родственникам на недельку, а их дома никого не оказалось, куда-то уехали. Вот ты и гулял по берегу, встретил нас, мы тебе дали свой адрес, чтобы ты переночевал да пожил денек-другой, пока родственники не вернуться. Годится?

– Вроде ничего.

– Только говори уверенно, а то бабуля тебя враз расколет. Она у меня почище Штирлица.

– Кого?

– Да это разведчик был такой в кино.

– А-а, – так ничего и не поняв, протянул Вадька.

– В общем, запоминай адрес: улица Декабристов, дом шесть, квартира пятьдесят один.

А бабулю зовут баба Надя. Запомнишь?

– Баба Надя, улица Декабристов, дом шесть, квартира пятьдесят один.

– Точно! Пойдешь прямо по этой тропинке к городу, выйдешь на набережную, во второй переулок направо свернешь, дойдешь до старой пожарной каланчи, еще один квартал вниз, и будет тебе улица Декабристов, а там по номерам сориентируешься. А теперь давай еще раз подробнее объясни мне, как эта машина работает.

Павел уселся в кресло и внимательно выслушал объяснения Вадика.

– Хорошо, что я хоть последний рычаг на «З» поставил, – заметил тот, а то улетела бы она вместе с креслом, и еще неизвестно, смогла бы когда-нибудь вернуться.

– А может, оно и лучше было бы, – не согласился Павел, – она сообразительная. Ну что ж, – закончил он, – давай еще раз все проверим и попросаемся.

Ребята склонились над пультом, на нем было набрано: +, 1, 3, 8, 0, «П». Хотя в душе Павел не верил, что Даша могла забраться так далеко, начать он решил все же с четырнадцатого века. Времени, как он считал, должно было хватить, поэтому решил «прочесать» за два дня семь веков.

– Днем я буду где-нибудь здесь сидеть, на всякий случай, – сказал Вадька уже держащему руку на красной кнопке Павлу.

– Возьми удочку, порыбачишь, – ответил тот и, поставив магнитофон на колени, решительно нажал кнопку. Кресло вместе с Павлом исчезло...

Глава 2. В стане князя Дмитрия

Переправившись через Дон, Дмитрий Иванович повернул коня вдоль берега. Опытный взгляд тридцатилетнего полководца и в густоте туманной ночи замечал овраги и холмы, ложбины и заросли кустов. Он отмечал каждую мелочь, которая могла пригодиться в завтрашнем бою.

Тактика уже давно была продумана князем Дмитрием. Войска он решил расположить традиционно. Впереди – большой полк, он и примет на себя основной и самый жестокий удар врага. За ним – сторожевой, который в ходе боя выдвинется вперед. Левый и правый фланговые. Но подготовил он Мамаю и сюрприз. Зеленую дубраву, о которой рассказывали сторожа, он углядел из-за Дона еще с вечера и решил расположить там засадный полк под началом Владимира Андреевича и Боброка Волынского. В случае необходимости засадный полк, расположенный левее и глубже полка левого фланга, должен был решить исход боя. Поэтому князь даже укрепил правый фланг за счет левого. Мамай об этом догадаться не должен.

И все же князь прекрасно понимал, что, несмотря ни на какие тактические хитрости, успех битвы решит мужество и стойкость воинов. Поэтому внимательно вглядывался в лица преодолевших Дон русских богатырей. Пусть сопутствует им удача!

– Осади! Осади коня, леший! И поперед батьки в пекло не лезь!

Князь вновь увидел уже переправившегося через реку Климента Поленина, выговаривающего Прошке. Конь последнего, чувствуя нетерпение седока, готов был, не разбирая дороги, скакать вперед. Но Климент строго следил за дисциплиной в своей сторожевой десятке и неторопливо, уверенно вел ее к дубраве, куда подтягивался весь засадный полк.

«Обязательно к ним заскочить надо будет», – отметил про себя князь. Он, как никто другой, понимал, что задача, стоявшая перед засадой, ох как непроста. Видеть, как льется кровь твоих братьев, и не сметь раньше времени помочь им... Есть ли большая мука для русского воина? Но обнаружить себя до срока – значит позволить Мамаю разгадать хитрость славян. Выдержка и терпение – вот главное оружие. И хотя шансов остаться в живых здесь было больше, вряд ли кто по своей воле захотел бы с ними поменяться.

Повернув коня, Дмитрий Иванович поскакал к центру дружины. Здесь у пылающих костров уже расположились воины большого полка. Именно им отражать первый, самый жестокий удар монголо-татар. Им платить самую кровавую дань богу войны. По-разному вели себя воины в преддверии битвы. У одних костров то и дело раздавался веселый смех, при приближении князя все дружно его приветствовали, приглашая к себе. У других была сосредоточенная тишина, воины были заняты проверкой снаряжения или же просто сидели, погруженные в свои думы. Здесь, завидев Дмитрия Ивановича, лишь приветливо кивали, смягчая улыбкой суровые лица. Иные возносили молитву Господу, другие подремывали, экономя силы перед боем. И казалось, нет края у костров, разведенных русичами на своей земле, на правом берегу Дона...

В дубраве коротали ночь воины десятки Климента Поленина. Лишь один Прошка не мог сомкнуть глаз, мысленно находясь уже в завтрашней битве. Пробегал иногда внутри у парня холодок боязни: не оплошать бы, не осрамить отца погибшего. Предрассветную тишину нарушало лишь легкое потрескивание костра, редкое ржание лошадей да доносимый со стороны чей-то далекий разговор.

Вдруг где-то за спиной у Прошки раздался короткий пронзительный свист, а затем негромкий, но ясно различимый хруст валежника. Будто от тяжелого мешка, сброшенного на землю. Прошка вскочил и подбежал к своему заволновавшемуся коню. Проснулись и остальные. Они недоуменно переглядывались, уж не со сна ли прислышался им этот свист.

Как бы отвечая на их вопрос, Прошка молча указал вглубь дубравы, туда, откуда, по его мнению, и раздался непонятный звук. Так же молча поднялся от костра Григорий Судак и осторожно направился в указанную сторону. Прошка пошел за ним следом, тихо ступая по траве. Остальных жестом остановил Поленин, и они присели у костра, внимательно глядя в направлении ушедших соратников...

Нажав кнопку, Павел почувствовал на секунду лишь легкое головокружение и какую-то пустоту в желудке, так бывает, когда самолет проваливается в воздушную яму. Но больше ничего не произошло. Кресло, как ему показалось, осталось на том же месте. «Не получилось», – с горечью подумал он и еще раз нажал на кнопку. Равномерный гул кресла не изменился.

И только тут до него дошло, что вокруг него что-то не так. Не было Вадьки, еще секунду назад стоявшего рядом. Вместо кустарника вокруг росли большие деревья, окутанные туманом. А начинавшее светлеть небо заставляло предполагать, что скорее наступает утро, нежели ночь.

«Так это и есть четырнадцатый век? – подумав, нервно хихикнул Павел. – И где я есть? И где здесь Дашу искать?»

Он осторожно слез с кресла, поставил на сиденье магнитофон. Обошел кресло кругом, тщетно пытаясь хоть что-то разглядеть за деревьями, но отойти далеко побоялся. Неизвестно, какие сюрпризы приготовил ему далекий век, и надо ли вообще пытаться идти, и если да, то в какую сторону.

«До рассвета надо сидеть и не рыпаться», – решил про себя Павел и наклонился, чтобы завязать на кроссовке шнурок. Вдруг сзади на него что-то навалилось, крепкая рука зажала рот, не дав возможности даже вскрикнуть. Ему скрутили руки, засунули в рот кляп, накинули на голову какой-то мешок, подняли и понесли.

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день», – с тоской подумал он, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, ничего не видя.

– Татар, однако, – сказал Прошка, неслышно появившись из тумана перед костром, и небрежно сбросил с плеча связанного человека. – Колючий, черт, – добавил он, показывая на шипы, торчащие из костюма плененного.

Воины удивленно уставились на странно одетого пленника с мешком на голове.

– А Гришка где? – нетерпеливо спросил Поленин.

Как раз в это время послышались грузные шаги, тут же появился Судак, который с трудом нес предмет, вызвавший изумленные восклицания. Он напоминал княжеский трон, но был каким-то нелепым, на нем еще стоял необычный, красиво расписанный ящик.

– Он около этого крутился, – пояснил Прошка, указав на пленника и кресло.

– Уж не самого ли Мамаю ты, Прошка, в полон взял? – полушутя-полусерьезно спросил Поленин, сдергивая мешок с головы пленника. И тут же изумленно уставился на светловолового, чуть конопатого паренька. – Не-е, – протянул он, – это не татар. Ты кто?

– Пашка, – совершенно искренне ответил тот, слегка ошалевший от всего произошедшего.

– Русич, что ли?

С тревогой всматриваясь в лица мужиков у костра, он кивнул.

– И чего ж тогда молчишь, будто язык проглотил? Откель ты тут взялся-то?

– Ну... да... в общем... – замямлил Павел, не зная, что и как он здесь может объяснить, – девушку одну ищу.

– Ах, девицу, – кивнул Поленин. – Да тут полно их. Только все бородаты...

Ратники дружно захохотали.

– И чего с ним огород городить, – проворчал Святослав, – порешить, да и дело с концом. Татар это. У Мамаю всяких полно, все ему служат. Ты только на эту хламиду глянь, – показал он на костюм пленника, – русич выискался.

– Хиловат больно, – заметил Гришка, развязывая Павлу руки.

– Во-во, и я про то. В бою с него толку нету, а вынюхивать горазд.

Павел с удовольствием разминал затекшие руки и с тревогой вслушивался в разговор мужиков. Чего от них можно ждать?

– Меня больше интересуе, откуда и как он эту штуковину приволок. Ненашенская работа.

– Говорю, татар он, – продолжал настаивать Святослав.

– Ну, так чего молчишь, русич? – с еле заметной усмешкой задал вопрос Поленин. – Откуда ты?

– Издалека, – только и нашелся что ответить Павел.

– Да и мы не тутошние. И московские, и владимирские, с Литвы даже есть, а ты каковский?

– Я с Волги.

Святослав победно хмыкнул:

– Ну, чего я говорил?

– Татары, татары, – возмутился Павел, – от ваших монголо-татар давно уже помину не осталось. Мы со всеми мирно живем.

– А кто это такие – вы?

– Русские. Российские.

– И дани не платите?

– Да я же говорю, – воодушевился парень, – никто никакой дани не платит, и Мамаю вашего давно кости сгнили, и... Ну, то есть сейчас-то он, может быть, и есть, а потом не будет, – совсем запутался он в своих рассуждениях.

Никто и не заметил, как приблизился к костру и стал прислушиваться к разговору князь Дмитрий.

– Спасибо и на этом, – усмехнулся Поленин, – что хоть сейчас-то есть. А то уж я засомневался, чего мы тут за Доном собрались, вместо кабака на поле Куликовом расселись.

– За Доном?! На Куликовом?! – Павел даже привстал от возбуждения. – Ух ты! Так завтра что, Куликовская битва будет? – спрашивал он, а сам лихорадочно вспоминал то небольшое, что еще помнил из истории.

– Какая-какая битва? – переспросил Прошка.

Но Павел от возбуждения даже не расслышал вопроса.

– А Дмитрий Донской с вами? А Пересвет здесь?

От последних слов паренька вздрогнул всадник, стоявший неподалеку, зашуршала металлом кольчуга, настороженно обернулись сидевшие у костра. Не таясь более, Дмитрий Иванович выехал к свету пламени.

– Князь! – поднимаясь с земли, радостно приветствовали его воины.

– Откуда ты про Пересвета слышан, отрок? – спросил он, обращаясь к Павлу, и взмахом руки остановил Поленина, попытавшегося объяснить появление пленника.

– В школе по истории учили. Пересвет перед битвой сразился с монгольским богатырем Челубеем, они...

– Молчи! – решительно остановил его князь. И, спешившись, добавил несколько мягче: – Пойдем, пройдемся. – И сам первый неторопливо направился вглубь дубравы.

Есть в его дружине монах Пересвет, на днях благословил его на ратный бой сам великий старец Сергей Радонежский. Было в словах отрока что-то неясное, может быть, прозорливое... Уж не ведун ли? Не блаженный? Дмитрий Иванович обернулся к Павлу.

– Что ты еще ведаешь?

– Пересвет и Челубей погибнут. Потом будет битва, русские победят, – вспоминая, затаморил Павел, поняв, кто стоит перед ним. – Вы останетесь живы, только ранены будете. Про битву эту люди и через тысячу лет помнить будут, в школе учить. А вас станут называть Дмитрием Донским.

Тревожно забилося сердце князя: кто перед ним? Уж не посланец ли неба или... преисподней?

– И эта битва положит конец монголо-татарскому игу, – добавил Павел, силясь вспомнить еще что-нибудь.

Он не заметил, как от последних слов слегка вздрогнул Дмитрий Иванович, легкое разочарование выразилось на его лице. Кто, как не князь, знал, даже разбей он Мамай наголову, из ярма монгольского не выскочишь сразу.

«Видение, видать, пареньку было, – решил он, – а я уж чуть за посланца его не принял», – усмехнулся он своей тревоге и растерянности.

Неожиданно тишину предрассветной дубравы нарушила какофония нелепых звуков. «Магнитофон!» – догадался Павел и бросился к костру. Выхватив меч, Дмитрий Иванович поспешил за ним.

У костра произошло вот что. Когда Павел и князь скрылись за деревьями, Прошка, так и не понявший, кого же это он приволок из леса, внимательно осмотрел и ощупал кресло. Взял руки красиво украшенный ящик. Все с любопытством наблюдали за ним. Прошка, приподняв его, потряс, прислушался, но ничего не происходило.

На кнопку он нажал совершенно случайно, из магнитофона сразу же обрушилась звуковая канонада одного из почитаемых Павлом местных ансамблей металлистов. Все в страхе бросились врассыпную. Прошка, уронив «ящик» на землю, пулей взлетел на дерево. У костра, распластавшись на траве и обхватив голову руками, остался лишь Святослав. Испуганно захрапели кони.

Павел, выскочив из дубравы, поднял магнитофон, убавил, а затем и вовсе выключил звук, убедившись в целости «ящика». Потом, оглядевшись, весело рассмеялся. К костру несколько смущенно, но с опаской, ежесекундно крестясь и озираясь, возвращались мужики. Смех этот вывел из оцепенения лежавшего Святослава. С безумными глазами он вскочил и, подняв бердыш, бросился на Павла. Тот слишком поздно заметил опускающийся на голову топор. В глазах потемнело, и, не успев даже испугаться, он рухнул на землю...

Сначала до его сознания дошел чей-то говор. Павел попытался прислушаться, мучительно соображая, где он, что происходит. Вспомнил воинов, князя, магнитофон и занесенный над головой топор. Попытался пошевелить руками, ногами – они слушались. «Живой», – радостно подумал он, нащупав на голове порядочную шишку.

– Кажись, очухался, – раздался совсем рядом малознакомый голос.

Павел открыл глаза и увидел рядом с собой Прошку, того молодого воина, который и приволок его к костру.

– Подымайся, коли очухался, неча разлеживаться, – сказал тот и добавил: – Хлипковат ты.

– Что случилось-то? – Павел сел, морщась и поглаживая ушибленное место.

– Святослав с испугу чуть не порешил тебя. Ежели бы князь меч свой не успел подставить, то тебе бы уж заупокойную отслужили. Может, оно и лучше бы было. Валандайся с тобой теперича.

– А ты не валандайся. Мне няньки не нужны.

– Князь повелел уберечь тебя. После битвы говорить с тобой желает, да и штуковины эти рассмотреть.

– Это у него вряд ли получится, – заметил Павел, вспоминая из истории, что восемь дней после битвы стояли русские войска на поле, хоронили убитых, а сам князь был ранен и, кажется, тяжело. – У меня времени столько нет.

– У меня не сбежишь, – по-своему понял его Прошка. – Давай лучше эти штуки, – он показал на кресло с магнитофоном, – перенесем подальше в дубраву. Там овражек есть. Да и сам там схоронишься, а то жарко станет, снесет лихой татарин твою башку, а мне ответ держать.

Только сейчас Павел обратил внимание, что утреннее солнце уже прогоняло остатки тумана, высвечивая вдали изготовившиеся к битве дружины. Видать, немало он провалялся в беспамятстве. Поднявшись, взял магнитофон и пошел вслед за Прошкой, который не без труда уже волок кресло.

– Ты мне про девицу-то тогда правду говорил аль так, понарошку?

Павла как холодным душем окатило. За всеми этими событиями он чуть совсем не забыл про Дашу. Вот тебе и расчеты – по пять часов в каждом веке.

– Серьезно, может, ты слышал что про нее? Ее Дашей зовут, она тоже такая... – он несколько замялся, – для вас необычная.

– Юродивая, что ль?

– Сам ты юродивый!

– Спрашиваешь, так не лайся. Монголы ее полонили?

– Не знаю. Может, и монголы. А может, и вообще ее здесь не было.

– Здесь-то уж точно не было, мы сюда быстро шли, бабы все дома остались. А во Владимире ничего про пришлую не слышал.

– А тебе сколько лет? – вдруг спросил Павел.

– К Рождеству пятнадцать минет.

– Ничего себе, как же тебя в войско взяли? У нас в армию только с восемнадцати берут.

– Не пойму я тебя, – удивленно взглянул на него Прошка, – скоморох ты, что ли, али вправду юродивый. То вроде ничего, то опять заговариваться начинаешь. Кто ж с Мамаем драться будет, коли мужики по домам отсиживаться зачнут, годков дожидаться.

– Мужики, – иронично протянул Павел, – сам, поди, еще школу толком не закончил.

В ответ на непонятные речи Прошка только сердито засопел да пошел быстрее.

– Хотя и князь ваш не очень стар, – примирительно сказал Павел, догоняя его.

– Князь у нас что надо, ему уж тридцать минуло, мудрый воин, храбрый. И тут же добавил, спускаясь в небольшой овраг: – Давай-давай, пошевеливайся. Устроим здесь эти твои штуковины, никто их не тронет. А сами назад пойдём, битва того и гляди грянет.

Павел уже понял, что искать Дашу где-то поблизости бессмысленно. Если и оказалась она в этом четырнадцатом веке, то уж, скорее, совсем в другом месте. А если так, то на поиски и года не хватит. И вообще, вся эта затея с самостоятельными розысками, которая совсем недавно казалась ему единственно правильной, выглядела теперь нелепой авантюрой. Ведь только в случае маловероятного совпадения он мог найти Дашу, даже точно зная век, в который ее забросило. А уж не зная его... тут шансов и вовсе один на миллион, если не меньше.

Нет, он и в мыслях не допускал прекратить поиски и вернуться домой. Пока есть время, значит, есть и шанс, пусть даже совсем крохотный. Тем более и дома помочь было некому. Прекратить поиски будет просто предательством, хотя оставаться в этом веке, на Куликовом поле, и терять время было попросту бессмысленно. Но уж очень хотелось, хоть одним глазком, хоть издалека, хоть немного посмотреть на знаменитую битву.

Не обращая внимания на недовольное ворчание Прошки, магнитофон он взял с собой, пообещав не выпускать из него «бесов». Когда они вернулись к отряду, вдали уже началось сражение. Храп коней, звон мечей, крики торжества и боли, стоны и кличи, сливаясь воедино, доносили до дубравы мрачный рокот битвы.

«Не хотел бы я очутиться в центре этой мясорубки», – со страхом глядя на темную массу сражавшихся, подумал Павел, а вслух добавил:

– Эх, пулемет бы сейчас сюда, а еще лучше танк.

Но Прошка уже не глядел на него, не прислушивался к его словам. Закусив до крови губу, он внимательно всматривался в даль. Рука его, непроизвольно сжимавшая рукоятку меча, то белела от напряжения, то в бессилии опускала оружие. Тумены Мамаю продвигались вперед, сминая большой и сторожевой полки русичей. Это было заметно и отсюда, из дубравы, где стоял засадный полк. Разгорался бой и на правом фланге. Это было совсем не то, что в кино, намного более жестоко и страшно. Павла сковал ужас.

– А вы-то чего, – дотронулся он до Прошки, – им же помощь нужна, – махнул он рукой в сторону сражающихся.

Он совсем не хотел обидеть того, и сказал так, лишь бы не молчать, не оставаться один на один со всем этим ужасом. Сказал и тут же отшатнулся от гневного взгляда воина, своего ровесника.

– Уйди лучше, – сквозь плотно сжатые зубы процедил тот, с трудом сдерживая себя, чтобы не выхватить меч. – Не доводи до греха. И без тебя тошно.

Павел попятился. На него никто не обращал внимания. И он, развернувшись, бросился к овражку. «Бежать, бежать отсюда. В другой век», – подгоняла его мысль. Никому он здесь не нужен, никому не может помочь, мешает только. Да и ему здесь никто не поможет. Уже почти добежав до цели, он вдруг увидел на другой стороне овражка конный отряд. Ошибиться было нельзя – монголы!

Павел остановился, а в голове зароились мысли: «С тыла заходят. Наши сейчас битвой увлечены, не заметят. А эти неожиданные много бед натворить могут. Что делать? Предупредить!»

Развернувшись, он бросился назад. Но монголы заметили его. Два всадника отделились от отряда и помчались наперерез.

– Про-ошка! – отчаянно закричал Павел, понимая, что с такого расстояния тот не услышит его.

Задыхаясь, он бежал из последних сил, а всадники все ближе и ближе. Еще чуть-чуть – и грубая рука искусного наездника уже готова была со свистом опустить кривой монгольский меч на его голову. И тут Павел, споткнувшись, упал. Всадники, проскочив чуть дальше, развернули разгоряченных коней и с хищными улыбками стали приближаться к жертве, беспомощно сидящей на земле.

От страха или от отчаяния Павел вдруг вспомнил недавний ночной случай и... на полную катушку врубил магнитофон. Кони шарахнулись в стороны, и с криками, полными суеверного ужаса, монголы скрылись за деревьями. Тогда он вскочил и побежал дальше.

Шум этот слышали и в отряде Поленина. И уже через несколько шагов Павел наткнулся на скачущих ему навстречу русских воинов.

– Монголы, – обессиленно прошептал он, показывая рукой в сторону, где видел отряд, – сотня.

Истосковавшиеся в ожидании русичи отчаянно бросились на врага. Исход этой стычки был решен, Павел не сомневался в этом. Он повернулся и вновь неторопливо побрел в сторону оврага. «Свои бьют, чужие бьют. Да и кому я здесь свой», – устало подумал он.

Кресло стояло на месте. Неторопливо подошел, настроил, включил, и оно негромко загудело. Что ждет его в новом веке? Окинув напоследок взглядом дубраву, прислушался к шуму далекой битвы и, вздохнув, сел в кресло. Взял магнитофон на колени, положил палец на кнопку. Затем, повинуясь неожиданному порыву, вдруг вскочил, снял со своей руки один из браслетов с шипами и положил его на землю.

– Прощай, Прошка, удачи тебе!

И, вновь усевшись в кресло, решительно нажал кнопку.

Он уже не видел, как, не сумев сломить сопротивление большого и сторожевого полков, не прорвав оборону на правом фланге, тумены Мамаю всей своей мощью обрушились на ослабленный левый и, прорвав оборону, потоком устремились к Дону, заранее торжествуя победу и отрезая русичам путь к отступлению.

Тогда кончилось ожидание для засадного полка. Словно соколы вылетели русские воины из зеленой дубравы навстречу не ожидавшему этого врагу. В смятении повернули монголы назад, к югу. Их отступающая конница сминала, топтала свою же пехоту, и тонули они в Непрядве, пытаясь с ходу переплыть ее, спасаясь от разящих мечей русских воинов.

Он уже не видел, как вместе со всеми бился с ненавистным врагом его ровесник Прошка Сапожник. Как ранен он был, но не оставил поле боя. Как через сутки только, вспомнив о своем пленнике, он вернулся в овраг, но нашел там лишь оставленный браслет.

Все это, уже через мгновение после нажатия кнопки, от Павла скрыла вековая толща времени. На пульте кресла был набран 1480 год.

Глава 3. «Свой парень» – баба Надя

Когда исчезла машина, Вадька остался один в этом диком и непонятном двадцатом веке. В длинных шортах и рубашке с короткими рукавами, он порядочно озяб после вечернего купания в Волге и, чем ближе приближался к городу, тем быстрее шел. А зубы начали помимо его воли выбивать быструю чечетку. Да еще донимали привычные комары, которые и в двадцать втором веке были такие же кровожадные. Так и влетел он на вечерние городские улицы вприпрыжку, стуча от холода зубами и беспрерывно хлопая себя ладонями по оголенным икрам. Комары не отставали. Ну, никак он не напоминал пришельца из будущего.

Это больно било по его самолюбию. Ведь не раз вечерами он представлял, как появится на машине времени перед далекими предками – блистающий, недоступный, мудрый, обогащенный опытом веков. Не получилось. Предки сначала чуть не набили ему морду, а после забрали машину, оставив его в диком веке с каким-то непонятным адресом.

Правда, улицу Декабристов он нашел сразу. Но вот дом с запомнившимся номером отыскать оказалось не просто. Это был район новостроек с рытвинами, ямами, котлованами, полными грязи. Именно за ними, как оказалось, и расположился пяточок ранее построенных девятиэтажек с небольшим уютным двориком, среди которых и оказался нужный ему дом.

Поднявшись пешком на седьмой этаж (пользоваться допотопным лифтом неизвестной конструкции Вадька не рискнул), он унял дрожь в коленях, привел в порядок мысли и решительно нажал на кнопку звонка.

Дверь открылась почти сразу, и он увидел перед собою немолодую, опрятно одетую женщину. Она строго смотрела на него, а из квартиры повеяло теплом, уютом и аппетитно пахнуло стиральной.

– Я тут встретил... – он запнулся, с ужасом поняв, что не узнал даже имени встреченного парня, – вашего внука с Дашей... – нашелся он.

– Во-первых, здравствуй, – сказала женщина, – во-вторых, проходи, не в дверях же нам разговаривать.

Вадька вошел в коридор, облегченно перевел дух и попытался продолжить:

– Здравствуйте, вы – баба Надя? А я как раз по берегу Волги гулял...

– погоди, – перебила его та, – я – баба Надя. А ты есть хочешь? – И, не дожидаясь ответа, добавила: – Прходи на кухню, я сейчас чаек подогрею.

Вадька снял сандалии, осторожно прошел на кухню. Уселся на краешек табурета за стол, и так ему стало хорошо и уютно, что напряжение и робость сами собой исчезли.

– Иди сначала руки помой.

Вадька встрепенулся и стал озираться по сторонам.

– Ванная в конце коридора.

Такие квартиры еще остались в двадцать втором веке, но под жильем уже не использовались. Вадька сначала растерялся, но, быстро сориентировавшись, пошел в нужном направлении, с восхищением разглядывая обстановку, взятую будто из музея. Старинный телефонный аппарат, в комнате был виден ящик допотопного телевизора, а в ванной, помимо раковины, стоял непонятный громоздкий агрегат. Прочитав надписи на нем, он понял, что это электро-механический агрегат для стирки.

«Да-а, разобраться да покопаться во всем этом дня не хватит, – восторженно подумал Вадька, ополаскивая под «доисторическим» краном руки. – Вернусь, расскажу ребятам – не поверят!»

Проходя обратно на кухню, он заглянул в комнату и на полках громоздких шкафов увидел целые ряды аккуратно составленных книг, изданных на настоящей бумаге. От одного вида

такого богатства у него даже дыхание перехватило. В его коллекции раритетов из двадцатого века было только пять книг, с бесценной «Республикой ШКИД».

На других полках он увидел различные черепки, обломки, сам вид которых указывал на их древний возраст.

«Наверное, здесь тоже историки живут», – подумал он, вспомнив о таких же черепках, разложенных и разбросанных в лаборатории брата. От мысли о лаборатории он вздохнул, вспомнил, что здесь – не на экскурсии, и восторгов поубавилось. В кухне на столе уже дымился ароматный чай, а на тарелке высилась горка румяных пирожков.

Баба Надя сидела и с удовольствием смотрела, как под Вадькиным напором эта горка заметно таяла.

– Ешь, ешь, – приговаривала она, подкладывая пирожки и жестом останавливая готовность Вадьки продолжить объяснение, – поговорить мы еще успеем. Или ты спешишь?

Вадик поспешно замотал головой, отрицая такое предположение.

«Прямо как в сказке, – усмехнулся он про себя, – напои, накорми да спать уложи, а потом уж и дело пытай». Как оказалось, он изрядно проголодался, к тому же капустные пироги бабы Нади вряд ли кого могли оставить равнодушным.

– Ой, спасибо большое! Больше не могу, – совершенно искренне сказал он, вытирая руки салфеткой, – вкусно очень. У нас такие делать не умеют.

– Где это у вас? – с интересом взглянув на него, спросила баба Надя.

– Дома, – не смутившись, ответил Вадик.

– Капустники эти меня еще моя бабушка печь научила, – заметила баба Надя, – у нее они еще лучше получались, да и мука-то была не машинного помола. Пашка их тоже очень любит, вот и настряпала их к его приезду.

– Пашка – это ваш внук? – неосторожно задал Вадик вопрос.

– Вот те привет, – встревожилась та, – а я думала, ты его знаешь. Я уж волноваться было начала, а тут ты пришел... Ну, думаю, опять моего родного куда-то занесло, гонца вместо себя прислал. Ан нет? Давай рассказывай, самого, небось, родители дома потеряли. Да и познакомимся заодно.

– Меня Вадиком зовут, – собравшись с духом, начал он. – А внука вашего я знаю, только времени не было узнать, как его зовут. Вот с Дашей познакомились. – На Вадьку, казалось, нашло вдохновение. Во всяком случае, сам он решил, что такой бабуле можно сочинять спокойно. – Я по берегу гулял и их встретил. Они с каким-то мужчиной спешили на электричку. Сказали ваш адрес и просили передать, что они с дядей Петей уезжают на два дня к нему на дачу, на рыбалку.

– Погоди-погоди, – перебила его баба Надя, – а ты-то чего поздно по берегу один гулял?

– В том-то и дело, я сегодня приехал к своим родственникам в ваш город, а они, наверное, тоже на дачу уехали. А где она, я и не знаю. Вот и бродил, мне ведь переночевать даже негде. Я больше никого здесь не знаю. А ребята сказали, что вы, может быть, и переночевать пустите.

– Ах вот оно что, – кивнула бабушка, – ты сегодня только приехал?

– Ага.

– И ночевать тебе негде?

– Да.

– А ты не вместе с Пашей на поезде ехал? Он ведь тоже только сегодня из Москвы вернулся.

Вадька согласно кивнул.

– Значит, обо всем вы договорились, пока спешили на электричку?

– Я их проводил немного, чтобы время не терять.

– А где же твои вещи? Ты так и приехал в гости?

– Так и приехал, а вещи пневмотроном отправил.

– Чем? – удивленно переспросила бабушка.

– Ну, вещи я раньше отправил, – поправился Вадик, поняв, что ляпнул что-то не то. О пневмотронах в этом веке, похоже, еще не слышали.

– К кому же ты приехал? Может, и мне знакомые?

– К Ивановым, к тете Маше, – не запнувшись, придумал он.

– Не знаю вроде таких, – задумчиво покачала головой баба Надя, – а живут-то где?

– Да тут недалеко, на улице Космонавтов.

– Нет, не знаю. Не слыхала. – И тут же добавила: – Ты спать-то сильно хочешь?

Вадька перевел дух от града бабушкиных вопросов, из которых он, к своему удовольствию, с честью вывернулся, и, улыбнувшись, ответил:

– Не-а, можно мне книжки посмотреть?

– Значит, спать еще не хочешь? – настойчиво переспросила бабушка.

– Нет, – уже осторожнее, почувствовав какой-то подвох, ответил Вадик.

– Тогда пойдем на диванчик в зал, я так общую комнату называю, сядем рядком да поговорим ладком. Ты мне всю правду и расскажешь. А книжки еще посмотреть успеешь.

Вадька ошарашенно поплелся вслед за бабушкой. Благодушного настроения как не бывало. Он уселся на краешек дивана и стал ожидать новых вопросов. Но баба Надя их задавать не спешила, внимательно, по-доброму посматривая на паренька.

– Это, наверное, мой оболтус тебя так отвечать научил, – не спросила, а скорее утвердила она, – а ты врать-то не мастак. Во-первых, Петра уж третий день в городе нет. Во-вторых, в таком наряде никто тебя на поезд из дома не отправит, тем более никто заранее вещи не отправляет. Ведь не контейнер же их у тебя. Иванова тетьа Маша, может быть, и живет у нас в городе, только улицы Космонавтов у нас здесь нет. Уж город-то я хорошо знаю. Так что давай выкладывай все начистоту, что там мой лоботряс удумал и во что Дашеньку втравил.

Вадька вздохнул, подумал и уже открыл рот, чтобы выдвинуть новую версию всей этой истории, но вдруг легко рассмеялся.

– Не зря он вас каким-то Штирлей обозвал. – Вадька весело взглянул на бабушку.

– Не Штирлей, наверное, а Штирлицем, – улыбнулась та ему в ответ, – а еще как он меня называл?

– «Баба Надя – свой парень!» – попытался подражать Пашиному голосу Вадик.

Теперь они рассмеялись вместе.

– А все же, что случилось? Где они сейчас отсиживаются?

Улыбка на лице у Вадика погасла.

– Я вам всю правду могу рассказать, только вы мне все равно не поверите.

– А ты попробуй. Правда-то всякая бывает, может, и поверю. Я теперь уже мало чему удивляюсь. – И баба Надя ласково потрепала его по вихрам.

Тогда Вадик, вздохнув, выложил ей всю историю подробно, ничего не утаивая. И как воспользовался машиной времени, как встретил ребят, потом пропала Даша, как они решили вести ее розыск. Баба Надя слушала его не перебивая. И как внимательно ни вглядывался в ее лицо Вадька во время рассказа, по нему ничего нельзя было понять: верит или нет. Не упустив, казалось, ни одной подробности, он замолчал. Молчала и бабушка.

Затем она так же молча поднялась с дивана, вздохнула и пошла в другую комнату. Вадька подождал немного, а потом пошел за ней. Заглянув в комнату, он с недоумением увидел, что она стелит постель.

– Иди умывайся да ложись спать.

– Так вы... Вы мне поверили?

Вадька никак не мог взять в толк: рассказываешь этим взрослым простую, почти правдивую историю – не верят. А уж в такую-то фантастику вовсе не должны верить. Нет, молчат,

не спорят. И он продолжал стоять, прислонившись к дверному косяку, удивленно вытаращив на бабушку глаза.

– Ложись, говорю, – уже сердито добавила она, – спи. Утро вечера мудренее.

– А книжки-то можно посмотреть? – решился несколько заискивающе попросить он.

– Посмотри, – смягчилась бабушка, – только недолго. Завтра вставать рано.

Вадька, боясь, как бы она не передумала, не задавая больше никаких вопросов, быстро шмыгнул к книжным стеллажам. Глаза разбежались от расставленного здесь богатства. Он быстро выбрал книгу, боясь, что в случае задержки бабушка отправит его спать, умылся и забрался в постель. С выбором не ошибся. Приключения героев книги А. Рыбакова «Кортик» моментально захватили его. Забыв обо всем, он даже бурно протестовал, когда бабушка решительно забрала у него книгу и выключила свет.

Уже засыпая, он с горечью подумал о своей ошибке: как было бы здорово, если бы он сразу попал в двадцатые годы. До чего интересно там жили ребята, сколько приключений там можно было бы пережить!

А в кухне по-прежнему горел свет. Баба Надя не спала...

Проснулся Вадька оттого, что кто-то тормозил его за плечо. Он попытался глубже зарыться в одеяло, но это ему не удалось. С трудом открыв глаза, он увидел бабу Надю и сразу вспомнил события вчерашнего дня. Сон как рукой сняло.

– Значит, все это мне не приснилось, – утвердительно сказал он, вскакивая с кровати.

– Не приснилось, – добродушно проворчала бабушка, – беда с вами, пострельцами. Одевайся вон.

Перед Вадькой на табурете лежали рубашка и брюки. Не его.

– Надевай, – заметив нерешительность паренька, поторопила баба Надя, – это Пашина одежда. Немного великовата будет, да ничего, подвернешь. Он ведь тоже нормально не одевается, нацепит какую-то хламиду – и нос кверху.

Вадька хихикнул, вспоминая Пашин наряд.

– А мой костюм где?

– Постирала. Сохнет в ванной. Никуда не денется. Умывайся, одевайся и за стол.

В кухне его вновь ждали пышущие жаром пироги.

«И когда она только успела», – удивленно подумал Вадька, заметив, что из духовки в плите она достала еще один большой, во всю сковороду, пирог.

– Курник, – пояснила она, – он мне тоже удастся. Но это не сейчас, этот с собой возьмем.

Уплетая пироги, от вопросов Вадька решил пока воздержаться. А бабушка загрузила хозяйственную сумку пирогами, водой в банке, клубками шерсти, удовлетворенно оглядела поднявшегося из-за стола паренька.

– Ну вот, совсем другой вид. Наелся?

– Спасибо. Сыт.

– Удочку взять? Рыбалить будешь?

– Так мы что, на Волгу идем? На то же место? – догадался Вадик.

– На то, на то, – ответила баба Надя, – ты найдешь его днем-то?

– Найду! – уверенно ответил он, но, чуть смутившись под пристальным взглядом бабушки, добавил: – Там кусты сломанные будут.

– Тогда пойдем.

– А можно я вместо удочки вчерашнюю книгу возьму?

– Чего ж нельзя-то, бери.

И, уложив принесенную из комнаты книгу, показала ему на кроссовки.

– Обувайся. Я прикинула по сандалиям, впору должны быть. Ноги у вас сходные.

Вадик обулся и вопросительно посмотрел на бабушку.

– Ну что, с Богом, – сказала та, оглядев его.

И они покинули квартиру.

Глава 4. Русич!

Гридя Ратоборец в отчаянии еще раз попытался напряжением рук ослабить узел. И еще раз убедился в тщетности подобных попыток. Руки уже затекли, онемели, а обида и отчаяние выматывали последние силы.

И отец его, и дед, и прадеды воевали с Ордой, но в таком позорном положении никто из них не был. От дум таких слезы наворачивались на глаза, но Гридя усилием воли сушил их. Не след ратнику на пятнадцатом году жизни уподобляться плакальщицам, да и вороги не должны видеть слабость русского воина.

Хотя вряд ли кто мог видеть Гридины слезы. Монгол, управлявший конем, поперек которого вниз лицом лежал связанный юный ратник, внимательно всматривался в даль, нетерпеливо погоняя уставшего скакуна. Два его спутника молча скакали несколько поодаль. Вскоре должны были показаться огни костров монгольского тумена. Там ох как нужен был этот молодой русич, которому без труда можно будет развязать язык и узнать планы русских воевод. Слишком часто последнее время неудачи преследуют ханских воинов.

Не первый день длится противостояние на берегах реки Угры, не первый день здесь возникают стычки, льется русская кровь. Ордынский властитель Ахмед-хан поклялся, что не уйдет побежденным, что вернет времена монгольского владычества на Руси. И нынешний 1480 год должен решить это.

Костры все не показывались, и без привала, похоже, было не обойтись. Гридя почувствовал, как замедлил бег конь, услышал, как обменялись его пленители несколькими непонятными фразами. Затем грубые руки схватили его за веревки и сбросили на землю. В глазах померкло, и сознание его отключилось...

Первое, что почувствовал Павел после того, как секундный прыжок во времени закончился, был холод. Даже на предрассветном Дону было теплее. К тому же вокруг опять была ночь. Ярко сверкали звезды, и, судя по всему, до рассвета было еще не близко.

Но рассмотреть место ему не дали дикие крики, полные ужаса, и раздавшийся топот копыт. Все это он с испугом услышал раньше, чем разглядел разведенный неподалеку костер.

Первая оторопь прошла быстро, Павел сообразил, что это не его пугали, а сами испугались и разбежались. Успокоившись, он поднялся с кресла и попытался определить, где находится. Неплохо было бы и понять, кто стал свидетелем его появления и что от них можно ждать в ближайшее время, когда суеверный ужас пройдет.

Неподалеку, по редким всплескам, угадывалась река, у небольших кустов был разведен костер, около которого валялась какая-то поклажа. Значит, хозяева должны обязательно вернуться, и он внимательнее стал вслушиваться в ночную тишину. Больше ничего приметного не было ни видно, ни слышно. Ночь есть ночь.

«Итак, если верить набранному на пульте, на дворе конец пятнадцатого века, – подумал он. – И снова ночь, и снова поле, ну где здесь искать?»

Пронизывающий холод, говоривший скорее о первых осенних заморозках, нежели о лете, заставил его поспешить к костру. Улетать сразу не имело смысла, так можно все века просколоть, ничего не узнав. И он решил подождать хозяев поклажи или же дожждаться рассвета, чтобы разобраться в обстановке.

К своему удивлению, приблизившись к огню, он увидел в свете пламени, что у костра лежит не мешок, как ему показалось поначалу, а связанный человек. Это был молодой парень в воинской одежде, такой же светловолосый и слегка конопатый, как и он сам. Глаза его были закрыты.

Забыв о холоде, Павел приблизился к нему и с облегчением увидел, что тот дышит. Более того, в ту же секунду, будто почувствовав его присутствие, веки у лежащего дрогнули, с усилием поднялись, и вскоре взгляд прояснился. Увидев перед собой странно одетого незнакомца, парень удивленно и испуганно на него уставился.

– Ты кто? – спросил Павел.

– А ты?

– Тебе первому отвечать, ведь ты связанный, а не я.

Парень помолчал немного, поразмыслил и произнес:

– Володимирский я, Гридя. Из сотни Ярослава. А ты кто? – повторил он свой вопрос.

– А я Пашка. Здесь случайно оказался.

– Пашка? – вдруг заволновался лежащий. – Пашка Русич?! Пашка Рыжий? Девицу ищешь?

Тут уж пришла очередь заволноваться Павлу. От неожиданности он даже на месте подскочил и, бросившись к парню, затормозил его.

– А ты... откуда ты это знаешь? Ты видел Дашу? Она про меня говорила? Где она? Говори же!!! Чего молчишь? – засыпал он вопросами.

– Да погоди ты, больно же, – почти простонал парень, – развяжи хоть.

Трясущимися руками Павел попытался распутать узел на пленнике, но ничего у него не получилось. Оглянувшись вокруг, он увидел валявшийся кривой меч и перерезал сыромятный ремень. Парень сел и, морщась, начал растирать затекшие руки. Кровообращение восстанавливалось медленно.

– Не тяни ты душу, рассказывай, – не выдержал Павел, – с ней все в порядке? Жива? Здорова?

– А монголы куда подевались? – оглядевшись, спросил Гридя.

– Какие монго... – начал было Павел, но тут же осекся на полуслове.

Разочарованию его не было предела. Видимо, прыжка во времени не получилось, он просто из одного места Куликова поля переместился в другое. Может быть, на день-другой позже. Отсюда и вопросы, и волнение Гриди, его ведь наверняка искали в овраге после боя, а он исчез. «Как оказалось, ненадолго», – горько усмехнулся он про себя.

– Какой сейчас год-то? – решил уточнить он.

– Шесть тысяч девятьсот восемьдесят восьмой от Сотворения мира, – не без гордости за свои познания отозвался Гридя.

– Угу, – уныло кивнул Павел, – шесть тысяч девятьсот восемьдесят восьмой от Сотворения мира, – со вздохом повторил он. А по-нашему это как, интересно? – И, не ожидая ответа от Гриди, безнадежно махнул рукой. Обстановка говорила сама за себя. – Значит, на сей раз не получилось...

И вдруг вскочил от пронзившей его мысли: а что, если машина испортилась и он навсегда останется в этом далеком, пусть героическом, но варварском для него веке? Поэтому до его сознания не сразу дошли слова Гриди:

– Сто лет назад мой прадед славу на Дону завоевал. А я... – Гридя испытывал не меньшее отчаяние.

После этих слов Павел запутался окончательно.

– На Дону? – переспросил он.

Гридя кивнул.

– Погоди-погоди, – вновь затараторил Павел, пытаясь разобраться в собственных мыслях. – А тогда при чем здесь монголы? Их же еще вчера, то есть сто лет назад, на Дону разбили, или это не так?

– Разбили. – Гридя еще раз кивнул. – Мамаю в великую битву разбили, – уточнил он. – А Русскую землю от поганых еще не очистили. Орда-то осталась. Сейчас вот с Ахмед-ханом бьемся. Скоро их совсем не останется на Руси.

Это было для Павла совершеннейшей новостью. Конечно, историю он знал не так чтобы хорошо, но твердо был уверен, что после победы на Куликовом поле с монголо-татарским игмом было навсегда покончено. Оказывается, он не знал о жизни и борьбе поколений целого столетия, а может, и больше.

– Тогда совсем непонятно, – подумав, сказал он, – откуда ты мог узнать про меня, про Дашу?

Вместо ответа, Гридя уже послушными руками ослабил ворот, полез за пазуху и вытащил висевший у него на шее талисман, в котором Павел с изумлением узнал... свой браслет. Да-да, немножко потускневший, но тот самый браслет, который он оставил в овраге у Куликова поля. Гридя, заметив его удивление, так же неторопливо засунул браслет обратно.

– Мы его сохранили, – со сдержанной гордостью сказал он. – Мой прадед воевал на Куликовом поле, с князем Дмитрием Ивановичем, оттуда он и привез эту штуковину. Сказывал, явился к ним перед боем совсем ниоткуда рыжий паренек, одетый не по-нашенски, блаженный или нет – непонятно. Но Русичем назвался, Пашкой. Девицу, сказывал, ищет. На вид хлипкий, а о монгольской сотне вовремя предупредить сумел, а то бы худо пришлось засаде. Еще у него трон был и ящик, в котором бесы сидели и по его приказу шум поднимать могли. Только после боя не нашли нигде этого парубка. Исчез он, и трон с ящиком исчезли. Вот эту штуковину только и нашел прадед на том месте. Взял он ее, и хранила она его в боях. Из любых переделок невредимым выходил. Он и рассказал эту историю моему деду, а тот – отцу. Все они ратники были, всех их талисман берег. Вот отец и передал его мне перед первым сражением, и про тебя поведал. Только больно-то я не верил в это, а тут очухался, гляжу, ты какой-то чудной, и трон неподалеку. Точно, думаю, Пашка Русич. Видать, не ошибся. – Он посмотрел вопросительно.

– Да уж, не ошибся, – пораженный рассказанной историей, задумчиво ответил Павел, – а прадеда-то твоего как звали?

– Прохор. Прохор Сапожник. А я – Гридя Ратоборец.

– Жив, значит, остался Прошка в той мясорубке. Молодец!

– Жив. Только ранен был немного. А после, с талисманом, его ни меч, ни стрела не брали.

Не только сам рассказ вызвал удивление Павла. Удивляло и то, как спокойно, во всяком случае, не как чудо, воспринял его появление Гридя. Да и сама случайность – наткнуться через сто лет на «знакового» человека – это настоящая фантастика.

– А твои дед и отец ничего не слышали про эту девицу, Дашу?

– Нет, – простодушно ответил Гридя, – батюшка мыслил, что девицу ты эту попросту измыслил, а сам на помощь русскому воинству появился.

– Да нет, не измыслил. Найти мне ее надо. Очень надо. Как бы беды с ней не приключилось. Но здесь ее, наверное, не было.

– Так ты столько лет и все ее ищешь? – удивился Гридя. – Видать, хороша девка.

Павел, смущенный намеком, промолчал.

– У меня тоже суженая есть, – не заметив смущения собеседника, продолжал Гридя, – ладная, стройная, работающая. Ольгой зовут. Вот спровадим хана, вернусь домой, да и обвенчаемся.

– Сколько же тебе лет?

– Скоро шестнадцатый пойдет.

Павел второй раз удивился, как рано становились мужиками его сверстники в те далекие века. Но на этот раз, в отличие от разговора с Прошкой, промолчал. Иной был век, иные порядки, иная жизнь – и мерки двадцатого столетия к ним никак не подходили.

– А сюда-то ты как попал? И связал тебя кто? – спросил он, возвращаясь к действительности.

– И вправду, растрепались тут. Монголы-то куда делись? Их тут трое было. – И, ступавшись, добавил: – В полон они меня взяли. Сам не знаю, как получилось, и охнуть не успел. В бою-то я бы им спуску не дал, так они же крадучись, я и не слышал ничего, – оправдывался он. – Кабы не ты, они бы уж меня к себе в лагерь доставили и пытать про дружину стали. Только не сказал бы я им ничего, нехристям поганым, – с гневом закончил он.

– Меня твой прадед тоже ловко пленил, – успокаивающе сказал Павел.

– В роду у нас все воины знатные.

– А монголы меня увидели и убежали. Так чего теперь делать будем, где ваш лагерь-то?

– Там, в роще, выше по реке. Верст на десять они меня увезли, не дале. У нас там целый полк стоит, а монголам про то неизвестно.

– Ну что ж, – решил Павел, – давай двигай к своим, пока монголы не очухались да не вернулись за тобой. А я дальше отправлюсь Дашу искать, больше мне здесь делать нечего.

– Вернутся, обязательно вернутся, – хмуро заметил Гридя, – им без языка хан головы посылает. У них порядок строгий.

Он ненадолго задумался, а потом, вскочив, порывисто схватил Павла за плечи.

– Слушай, – торопливо заговорил он, сдерживая голос, – ты ведь еще и из-за меня сюда явился? Раз талисман не помог, сам от полона и позора избавиться решил, ведь так?

– Ну, считай, что так, – глядя на разгорячившегося парня и не в силах объяснить всей правды, ответил Павел, – и что из этого?

– Да знаю я, что так, – убежденно прошептал Гридя. – Но ведь ты не только мне, всем нам помочь можешь!

– Кому – нам?

– Русичам!

– Ты погоди, не горячись. – Павел тоже заговорил шепотом. – Чего я могу? Чем помочь-то? Я ведь и меча-то в руках ни разу не держал. Да и уезжать мне надо, и так уж второй раз время попусту теряю.

– Тебе и меча брать не надо! Ты только согласишься. Мы к утру весь этот тумен монгольский разобьем, и полк цел останется, – задумав какой-то план, продолжал убеждать его Гридя. – А тогда они и вовсе уберутся. Сколь уж на Угре стоим без битвы. Ударим больно – уберутся. А если они сумеют полк взять, на большую битву решиться могут. А ведь здесь у них один из самых крупных отрядов.

– Пойми ты, не могу. – Павел прикинул, что такая помощь, в чем бы она ни выражалась, украдет у него много времени, столь необходимого ему для поисков. – У меня всего два дня и осталось. Рад бы помочь, да не могу.

– Да мы тебе потом лучшего коня дадим, отряд для сопровождения! Все, что ты хочешь!

– Нет, не могу, – с сожалением, но твердо ответил Павел.

Гридя, услышав ответ, отступил, плечи у него поникли, голова опустилась. А когда он поднял ее, то глаза уже не горели азартом и возбуждением, а потемнели от гнева. Да так, что Павел в страхе отшатнулся.

– Русич, говоришь? – медленно произнес Гридя и вдруг, сорвав со своей шеи талисман, бросил его под ноги. – Русич... – еще раз презрительно повторил он. – Варнак ты и нехристь! Убирайся отсюда и не попадайся мне больше на пути. Без тебя обойдемся! – Повернувшись, он пошел в ночь.

Несмотря на холод, Павла бросило в жар. Лицо его горело так, будто кто-то надавал ему пощечин.

– Погоди! – крикнул он севшим до хрипоты голосом.

Но Гридя даже не обернулся.

– Да постой ты! – крикнул еще раз и, догнав парня, схватил его за плечи, поворачивая к себе. – Ты хоть объясни, что задумал.

Тот хоть и остановился, но молча сопел, не поднимая головы.

– Помочь-то я не против, – заторопился Павел, – только пойми, времени у меня мало. Ты объясни, что делать надо, я все равно поначалу утра хотел дожидаться. Может, и управимся?

– Теперь нам с ханом не разминуться, – заговорил Гридя, – много крови будет. А с тобой бы мы монголов обманули.

– Но как?

– Как? Да просто! – В глазах юного воина вновь появился азартный блеск. – Ты бы сейчас побежал к нашим, к утру бы добрался. А меня пусть монголы везут в свой лагерь. Я их утром поведу к роще. Ты же упредишь наших, они им устроят ловушку.

Павел задумался, а Гридя с надеждой, но настороженно смотрел на него.

– А куда идти надо?

– Я же тебе говорил, верст десять вверх по Угре, туда, где меня полонили, да потом с версту от берега до рощи. Там и стоим. Только осторожней иди, кабы не поймали, монголы здесь часто шастают.

– А вдруг не дойду или не найду, – с сомнением проговорил Павел, – а ты утром монголов приведешь к лагерю. Тебя ж за изменника сочтут и наших полусонных побьют.

– Надо дойти! – насупившись, ответил Гридя.

– Если и дойду, – продолжал рассуждать Павел, – поверят ли мне? А то решат, что монголы им ловушку готовят, меня подослали. Ведь на Куликовом поле меня чуть за их разведчика не посчитали.

Гридя в раздумье почесал голову.

– Да-а, – наконец протянул он, – однако ничего не получится, – и, повернувшись, пошел дальше.

– Стой ты! – закричал Павел и зло добавил: – То чуть не убить готов, то сам бежит. Тут подумать надо. Может, какой другой план придумаем.

– А какой? – остановился Гридя и затем медленно вернулся к костру.

И тут Павел, неожиданно даже для самого себя, вдруг выпалил:

– Тебе надо к нашим бежать, а меня пусть монголы забирают.

У костра повисла напряженная тишина.

– Это как так? – наконец ошарашенно-вопросающе прошептал Гридя.

А Павел, стараясь не думать о последствиях, попытался развить пришедшую мысль.

– Монголы тебя в лицо-то и не разглядели. Пусть меня у костра подберут, если вернуться. Я соглашусь их вести утром по берегу. А ты за это время доберешься до наших и все им расскажешь. Тебе-то они поверят.

Выпалив все это, он замолчал. У него вдруг щемяще засосало под ложечкой. В глубине души ему очень хотелось, чтобы Гридя сам отверг этот рискованный план. Он старался не думать, что могут сделать с ним монголы в лагере. Как он вообще сможет выбраться из этой переделки, даже если задуманное удастся, а русские одержат победу. В конце концов, и Гридя может не дойти до рощи, мало ли что случается, тогда верная смерть будет грозить ему с двух сторон. Все эти мысли в одну секунду пронесли у него в голове. Но отступить было поздно, и он с тревогой ожидал ответа Гриди.

– А чего, – снова разгорелись у того глаза. – Годится! – И, глядя на Павла, уважительно добавил: – Русич!

У того же похолодело внутри. Но чтобы этот далекий предок не заметил проснувшегося в нем страха, произнес:

– Сам погибай, а товарища выручай.

– Сгинуть мы тебе не дадим, это точно, – уверенно произнес Гридя, уже захваченный новым планом и не сомневаясь в его успехе.

Павел же его уверенность никак не разделял. Он, конечно, мог бы еще сесть в кресло и перенестись в другой, менее жестокий век. Ведь никто его здесь не видел, никто не мог уличить в трусости. Но... сам он никогда не сможет этого забыть. Лучше было бы не лезть со своим языком. Бабушка про это не раз ему говорила, а заканчивала всегда так: «Не дал слова – крепись, а дал – держись».

Бабушка... Вроде бы совсем недавно он покинул свой волжский город, свой такой понятный век, а вспоминались они ему как что-то далекое, нереальное. Павел грустно вздохнул. Увидит ли он еще когда свою родную Волгу, поест ли румяные бабушкины пироги. И от мыслей этих ему вдруг очень захотелось... есть. Он только сейчас вспомнил, что давно уже не завтракал, не обедал и не ужинал.

– Давай что-то делать, – сказал он, пытаясь скрыть растерянность и нахлынувшие чувства.

Гридя уже был полон энергии и вовсе не заметил состояния напарника. Когда цель была для него ясна, он предпочитал действовать, а не раздумывать.

– Ложись скорее, я тебя свяжу, а сам побегу. Время дорого.

– погоди, – досадливо поморщился Павел, – сразу уж и ложись. А кресло, а костюм?

Энергичный Гридя и сообразительный Павел, объединившись, быстро закрутили дело. Кресло и магнитофон спрятали под навесом из корней берегового тополя. Закидали ветками и бегом вернулись назад. Затем обменялись костюмами. Со страхом, но одновременно трепетно надел на себя нехитрую, но добротную амуницию русского воина Павел. Гриде же пришлось повозиться. Хотя с не меньшим восторгом и трепетом принял он штаны и куртку, увешанную металлическими побрякушками, но надеть их без помощи хозяина не сумел.

А Павел во время переодевания заметил, скрывая улыбку, как подобрал с земли Гридя брошенный ранее талисман и, осенив себя крестным знаменем, поцеловал, прежде чем спрятать. Как оказалось, все приготовления были закончены очень вовремя, так как из ночной дали послышался еле уловимый перестук лошадиных копыт.

– Ложись скорее, – прошептал Гридя.

Павел покорно повалился на землю. Сыромятным ремнем Гридя крепко связал ему руки и ноги.

– Не бойсь! – шепнул он ему на прощание и скрылся в темноте.

Павел, напряженно вслушиваясь в приближающийся топот копыт, удивился только ловкости парня, даже многочисленные побрякушки его костюма ничем не выдали юного воина, он будто растворился в ночи. К его удивлению, стих и звук лошадиных подков.

Костер почти потух. Холод и голод вновь напомнили о себе. Павел заерзал, закрутился на месте, пытаясь согреться.

«Вот черт, – подумал он, вслушиваясь в тишину, – а если монголы не вернуться? Тут же окочуришься до утра! А если они другого языка нашли или же с перепугу передумали возвращаться за пленником, кто поможет? Гридя с полком и до обеда в засадах просидят. Даже если и не забудут обо мне, сдохнешь тут в этом дурацком веке, и вспомнят о тебе только лет через пятьсот».

Павел с удвоенной энергией начал извиваться у костра, пытаясь ослабить узел на руках. Но ничего не получалось.

«Намертво завязал, вояка, – со злостью подумал он, – ишь, обрадовался, а на меня-то наплевать».

Тут он вспомнил эпизод из одного виденного ранее фильма, как попавший в плен герой мужественно пережег спутывавшую его веревку в огне, опустив туда руки. Павел подполз ближе к еще тлеющим угольям и осторожно приблизил к ним узел, стараясь по возможности

уберечь руки. Но какой-то зловредный уголек попал ему прямо под кисть. Громко взыв от боли, он быстро откатился от костра. В кино все выглядело проще...

Он не видел, как за всеми его манипуляциями из темноты внимательно наблюдали три пары глаз. Монгольские разведчики, утомив бешеной скачкой лошадей, но еще не доехав до своего лагеря, очухались и остановились. Возвращаться назад смертельно не хотелось. Такого ужаса, как от неожиданно раздавшегося громкого свиста и появления самого дьявола или его приспешника на троне, они никогда не испытывали.

И в лагерь возвращаться нельзя. Там, без сомнения, ждала позорная смерть. Хан и без этого в гневе от последних неудач, так что никакие оправдания про нечистую силу даже и выслушивать не станет. Головы с плеч покатаются навверняка! Ханская немилость страшнее любой преисподней.

Поэтому, не сговариваясь, повернули они коней. И к удивлению своему, заметили, что в страхе ускакали довольно далеко от костра. Но возвращались не спеша, придерживая коней и озираясь по сторонам, готовые в любую минуту вновь дать стрекача. Когда же увидели впереди неясный огонек затухающего костра, вовсе спешили.

Неслышно ступая во тьме, они подобрались ближе и, к своему удовлетворению, увидели, как перед костром отчаянно извивается пришедший в себя их пленник, тщетно пытаясь освободиться от пут. Ничего тревожного или незнакомого поблизости не было. Они так и не смогли понять, что же их напугало. Думать об этом было некогда. Выскочив к костру, закинули связанного пленника на коня и, вскочив в седла, так же молча поскакали к своему лагерю, огни которого, хотя и не так скоро, показались вдали.

«Поехали», – с тревогой подумал Павел, когда его, как мешок с поклажей, забросили на конский хребет. Больше за всю дорогу думать он ни о чем не мог, мечтая о том, чтобы выжить в этой бешеной скачке. Ведь каждое движение, каждый скачок отдавал во всем теле нестерпимой болью. Он был уверен, что все его ребра переломаны, и, приходя в себя от очередного толчка, удивлялся, что все еще жив.

Когда кони наконец остановились, чьи-то руки, сбросив его с коня, развязали ремни и принялись растирать затекшие руки и ноги, Павел застонал от нестерпимой боли. Монголы, встав, обменялись непонятными фразами, видимо довольные тем, что пленник очухался. Затем принялись отряхивать пыль со своих костюмов, совсем не отличавшихся богатством, протирать лица. В это время из высокого шатра вышел их соплеменник, по его окрику Павла подняли с земли и, подталкивая, повели прямо в откинутый полог.

Нельзя сказать, что Павел ничего не боялся. Да он просто отчаянно трусил и физически страдал от всего пережитого. Но, к чести своей, никак не хотел обнаружить страдания перед пленителями. Поэтому когда в шатре его грубо подтолкнули в спину, чтобы он, как и вошедшие монголы, пал ниц перед их повелителем, он устоял. Хмурое лицо хана не предвещало ничего доброго. Хотя он как будто и не замечал пленника, глядя мимо него.

Наконец он взмахнул рукой, и поднявшиеся с земли разведчики, оставаясь согнутыми в раболепном поклоне, пятясь задом, вышли из шатра. Павла отвели в сторону, и он немного огляделся. Помимо продолжавшего потягивать какой-то напиток хана здесь находилось три стражника, два у входа и один подле повелителя. Позади того стоял обнаженный до пояса человек довольно жуткой наружности с лицом исполосованным шрамами.

Перед ханом в полупоклоне стоял еще один человек, совсем не похожий на монгола. «Скорее всего, русский», – подумал Павел и, как оказалось впоследствии, не ошибся. И лишь один старичок с клиновидной седой редкой бородашкой сидел на коврике в ногах у своего повелителя. Он что-то шептал ему, изредка жестикулируя. Причем дважды показал в сторону пленника.

О чем шел разговор, Павел понять, конечно, не мог. И язык был незнаком, да и слишком тихо говорил старик. Когда тот закончил, хан по-прежнему молчал. Если бы не боль во

всем теле, то всю эту обстановку можно было бы принять за какую-то инсценировку, розыгрыш. Павлу на миг даже представилось, что вот-вот откроется полог шатра, зайдет сюда какой-нибудь кинорежиссер, одетый нормально, как принято в родном двадцатом веке, и скажет: «Снято».

Ему однажды довелось видеть съемки фильма о войне. Кругом ездили машины, шумела нормальная жизнь, а на съемочной площадке у дома актеры в ужасе прятались от бомбежки. Но как только режиссер говорил: «Снято», все опять становилось обычными людьми, курили, весело перешучивались. Так, может, и хан сейчас подмигнет ему, мол, не робей, Пашка, и дружелюбно, весело рассмеется.

Вместо этого хан, по-прежнему не глядя в его сторону, произнес какую-то резкую команду. Двое стражников тут же вышли из шатра, а старичок удовлетворенно закивал головой, поглаживая бороду. Прошло совсем немного времени, и стражники вернулись, втолкнув впереди себя связанного русского воина. Павел расширившимися от страха глазами смотрел на его могучую фигуру, открытое лицо с окладистой русой бородой и следами побоев.

– Готов ты отвечать на вопросы? – повинуюсь жесту хана, спросил по-русски стоявший в полупоклоне человек.

– Мой бы меч сейчас, тогда б я и поговорил с вами, погаными. А об тебя, гнида, я б его и пачкать не стал, я б тебя одним мизинцем раздавил. Чтоб землю Русскую не позорил. Холуй.

«Переводчик», – догадался Павел, когда тот, кланяясь, начал по-монгольски повторять сказанное пленником хану. Но тот жестом остановил его. Гнев и презрение в словах русича не требовали перевода. Затем, глядя прямо в глаза связанному витязю, он твердо произнес длинную фразу.

– Всемиловейший хан дает тебе последний шанс остаться в живых, – начал переводчик, – солнце не успеет разогнать утренний туман, когда славные воины, владыки мира, разобьют непокорных. Владычество великих монголов над миром засияет новым, немеркнущим светом. Будь же благоразумен, служи сильному – не значит предавать свою родину. Хан любит преданных людей, – добавил он, – послужи ему – и господином, не простым воином домой вернешься.

Эти слова вызвали лишь гордую и презрительную улыбку на устах воина.

– Передай своему хану, что скорее Угра потечет вспять, чем он одолеет русичей. И день не успеет смениться ночью, как полетят их собачьи головы с поганых плеч, и очистится земля Русская. А твой конец будет страшен! – бросил он в лицо переводчику. – Не укроешься ты ни от людского, ни от божьего суда.

Лицо предателя исказилось от злобы, когда он переводил сказанное хану. А русич гордо оглядел шатер и вдруг вздрогнул, когда увидел Павла. Совсем юного, напуганного всем происходящим, но в такой милой сердцу воина родной одежде.

– Не робей, хлопец, – громко сказал он, – я-то думал, чего они сызнава меня сюда приволокли, а они тебя запугать хотят. Не робей! И страху своего поганым не показывай. Пусть они нас боятся. Мы же русичи!

Договорить ему не дали. Повинуясь приказу, вперед вышел стоявший позади кресла полуголый человек и с радостным хищным блеском в глазах, накиннув на шею воина сыромятный ремень, стал его затягивать.

– Не смотри! – успел крикнуть тот Павлу. И уже почти прохрипел: – А доведется живым быть, сказывай нашим: Любомудр не испужался поганых...

Скованный ужасом, Павел видел, как обмякло сильное тело, как посинело лицо и страшно выкатились глаза, как начали затихать страшные хрипы, вырывавшиеся из горла пленника. Не выдержав всего этого, он на какое-то время потерял сознание и не видел, как выволокли из шатра бесчувственное тело Любомудра, как удовлетворенно кивал головой старичок

и усмехался хан, глядя на него, ошалевшего от страха. Реальность происходящего вернулась к нему с вопросом переводчика, который тот вынужден был повторить дважды.

– Как зовут тебя, юноша?

– Пашка, – помертвевшими губами прошептал он.

– Ты не бойся ничего, – ласково продолжал переводчик, – хан мудр и справедлив, щедро одаривает слуг своих. А не из княжеской ли ты дружины будешь?

Павел кивнул и увидел, как загорелись глаза у присутствующих в шатре.

– А далеко ли вы встали лагерем?

Павел отрицательно помотал головой. Нет, это было не кино. И перед его глазами все еще стояло посиневшее лицо Любомудра. Мог ли он представить себе такое, когда предложил Гриде поменяться с ним местами? Смог бы он вот так же гордо смотреть в лицо врагу, встречая свою смерть? Не объехал бы он этот век стороной, зная, что его здесь ждет? И ответы на эти вопросы, приходившие Павлу в голову, совсем не были геройскими.

Переводчик взял какой-то рисунок – видимо, это был план местности – и предложил показать, где именно расположились русские воины. Но Павел лишь замотал головой, он действительно не имел представления, где кто находится, тем более не мог указать это место на самодельном плане. Но, заметив, как потемнели глаза хана от этого его жеста, он торопливо сказал:

– Я на бумаге ничего не понимаю.

– Ты не спеши, подумай, опиши то место. – Переводчик внимательно глядел на него.

– Меня же связанным везли, а вот от того места, где меня полонили, недалеко будет, с версту всего, – вспомнил он свой разговор с Гридей. С облегчением до него дошло, что в создавшейся обстановке ему даже не пришлось исполнять роль запуганного языка, ни на что другое он был просто не способен. Страх так и не отпускал его.

– Ты нас проводишь к тому месту, – передал ему ханский приказ переводчик, – а пока пошли со мной.

Выйдя с Павлом из шатра, он приобнял юношу за плечи и повел его мимо костров к другому шатру, стоявшему несколько поодаль.

– Вот здесь я и обитаю, – сказал он, – располагайся, отдохни, я тебе сейчас поесть принесу. Часа через два выступим, не ране, как раз на рассвете у лагеря будем. – Да не тушуйся ты, – добавил он, глядя на Павла, – ничего страшного с тобой не будет. А сумеешь хану угодить, милостями осыплет. Ты только меня держись, еще рад будешь, что вовремя полонили. – И он громко захохотал.

– А Любомудра убили? – задал интересовавший его вопрос Павел.

– Оклемается, собака, – со злостью сказал переводчик, – живучий. Хан за здорово живешь работников не переводит, а из этого раб добрый будет, сильный, гордыню-то ему быстро пообломают. Хотя когда хан зол, так у него головы без разбора летят, что своих, что чужих, – со вздохом добавил переводчик. – Да ты о Любомудре не думай. Дураков на свете много. Только против силы не попрешь. И чего он своей гордостью добился? Ничего! Будет так себя вести – сгниет скоро, ну а проку что? Нет, не от большого ума это.

Болтливые рассуждения предателя, пошедшего на службу к монголам, были совсем не по душе Павлу. Но он молчал, не перебивал, иногда даже согласно кивал, с радостью думая лишь о том, что Любомудр жив. А когда переводчик принес мяса и хлеба, Павел, успокоив себя рассуждениями о том, что силы подкрепить в любом случае необходимо, принялся за обе щеки уписывать снесь.

В лагере слышался топот коней, оживленный разговор, бряцанье оружия. Монголы собирались в поход, чтобы на рассвете застать русских воинов сонными. «А если Гридя не дойдет, если не сумеет предупредить?» – с ужасом подумал Павел. И от мысли этой не только аппетит пропал, совсем пакостно на душе сделалось.

Не прошло и двух часов, как тумен вышел в поход. Спешили. Лагерь сворачивать не стали. Шатры и обоз остались под охраной небольшого отряда. Павла усадил впереди себя на коне уже знакомый разведчик, доставивший его в лагерь. «Этот в случае чего сразу голову отрежет», – с содроганием подумал он. Выпутаться живым из переделки ему показалось практически невозможным. И это никак не поднимало настроения.

Второй раз за одну ночь ему приходилось скакать на коне. И как он вскоре убедился, сидеть верхом было нисколько не лучше, чем лежать поперек коня связанным. И уже через полчаса пути он не мог думать ни о чем другом, кроме боли. И мечтал только о том, чтобы скачка эта скорее кончилась.

Ночное небо на востоке начало уже бледнеть, когда отряды остановились. Он со стоном сполз на землю, но его тут же подняли и повели. Как он понял, именно здесь пленили Гридю. Вспомнив его объяснения, Павел уверенно показал направление к лагерю русских, надеясь, что сильно не ошибся. И сразу же в ту сторону отправился небольшой отряд разведчиков.

В ожидании их возвращения монгольский тумен, казалось, замер, растворился в пред-рассветной тишине. Не слышалось ни разговоров, ни бряцанья оружия, даже лошади, казалось, понимали ситуацию. Выучка у отрядов была отменная, даже Павел не мог этого не заметить.

Не прошло и получаса, как разведчики воротились, и после небольшого совещания отряды двинулись вперед. Над Угрой занимался рассвет нового дня. Монголы двигались быстро и молча. Павел вместе со своим «напарником», от которого с радостью бы избавился, находился в первых рядах.

«Настоящая психическая атака», – вздрогнув, подумал Павел. Конь, уставший от двух седоков, стал несколько отставать и в рощу влетел тогда, когда впереди уже раздались крики злого отчаяния. Не видя, что происходит, Павел, решившись на отчаянный шаг, закрыл глаза и, сильно оттолкнувшись, с криком свалился с коня из ослабевших объятий своего конвоира.

Удар о землю смягчился еще не пожухлой травой и оказался не таким сильным. И парень, не поднимаясь с колен, на карачках быстро пополз в сторону. От толчка конь шарахнулся, и когда монгол обернулся, то увидел только смыкающиеся за Павлом ветки густого кустарника. Возвращаться он не стал, не до пленника тут, его уже захватил азарт предстоящей битвы. Лишь еще проскакав вперед, он понял, что произошло, и присоединил свой злобный крик к общему. Не было сомнений, что русский лагерь еще несколько часов назад располагался именно здесь. Но людей здесь больше не было. Лишь передовые всадники монголов, издав вопли торжества, успели увидеть хвосты лошадей небольшого отряда русичей. Он специально оставался на месте только затем, чтобы ввести в заблуждение вражескую разведку. Но и отряд успел скрыться при приближении основных сил противника.

Павел, забравшись поглубже в кусты, ничего не видел, но внимательно вслушивался во все происходящее, стараясь как можно лучше затаиться, никому не попадаться на глаза, и все еще до конца не веря в свое спасение. Злобные крики, раздавшиеся из головной части монгольского тумена, сменились воплями отчаяния из его хвостовой части. Затем топот коней и звук битвы удалились в сторону реки. После чего вновь стали приближаться. И тогда совсем недалеко по роще гулко и мощно вновь раздался топот копыт. Но Павел так и не увидел, чей это отряд проскакал. Битва с новой силой закипела около рощи, но очень скоро звуки ее откатились куда-то вдаль и вовсе смолкли. Наступила почти полная тишина, которая пугала парня не меньше, чем шум близкой битвы. А не видел-то Павел вот что.

В то время, когда передовые ряды монголов разразились злобными криками, обнаружив, что русский лагерь оставлен, совершенно неожиданно из-за холма вылетел отряд русских воинов, ударивший в самую середину мчащейся орды, расколов и повергнув в смятение рассчитывавших на легкую добычу всадников. Они хаотично начали отступать к реке, посчитав, что весь русский княжеский полк обрушился на них с фланга.

Растерянность недолго царила в рядах опытного монгольского войска. Повинуясь командам, они, не доскакав до берега, перестроились, готовясь дать решительный бой преследователям. Но на этом их беды не закончились. Едва изготовились для ответной атаки, как в тылу раздался дружный клич русичей. Из-под берега выскочил еще один засадный отряд. Оказавшись меж двух отрядов, основная часть тумена бросилась вразрез между ними, пытаясь оторваться от преследователей и вновь перестроиться.

Возможно, им это и удалось бы, но, когда они добрались до другой оконечности роши, навстречу им вылетел третий отряд, скрывавшийся до поры до времени в ее глубине. Топот его коней и услышал Павел недалеко от себя в самый разгар битвы.

Появление этого отряда окончательно посеяло панику и превратило доселе еще упорядоченное отступление монголов в хаотичное бегство. И хотя численный перевес был на их стороне, умело организованные засады заставили их в ужасе бежать. Монголы, уже не слыша команд и нигде не находя спасения, были полностью рассеяны и разбиты. Так закончилось одно из редких столкновений великого противостояния на Угре-реке в конце пятнадцатого века. Но Павел, сидя в кустах и настороженно вслушиваясь в наступившую тишину, еще ничего об этом не знал.

Неизвестно, сколько бы он так сидел, не искушая судьбу и боясь попасть в очередной переплет, как вдруг вдаль ему послышался голос, звавший его по имени:

– Па-аш-ка-а-а!

Он насторожился, прислушиваясь. Но тут голос раздался ближе:

– Па-аш-ка-а-а!

Сомнений не оставалось, кричал Гридя.

– Я здесь, здесь! – вскочив, закричал он в ответ.

Вскоре раздался хруст ветвей, и перед Павлом появился на взмыленном скакуне молодой воин, еще разгоряченный битвой, но с широкой радостной улыбкой на лице.

– Вот ты где, а я уж тебя обыскался. Думаю, уж не исчез ли опять. Вот горе-то было бы. – Тут же добавил, соскочив на землю: – Видал, как мы их!

Улыбка погасла на лице Павла.

– Ничего я не видел. Тут отсиживался, – махнул он рукой в сторону кустарника и даже как-то с вызовом посмотрел на Гридю, ожидая насмешки.

– Наголову разбили, – возбужденно продолжал тот, не обратив внимания на изменение настроения Павла, – нет больше Ахмет-хана! И все ты, все ты! – С восхищением глядя на нахохлившегося парня, от избытка чувств шагнул к нему и обнял за плечи.

– Да ладно тебе, – смутился тот.

– Я, когда к нашим прибежал, – продолжал рассказывать Гридя, – они поначалу-то мне сильно и не поверили. Я им все рассказал и про прадеда, и про Куликово поле. Они на меня как на блаженного смотрели. Не знаю, если б не твой костюм, поверили бы до конца или нет. Уж больно он чудной у тебя.

Только тут Павел обратил внимание, что одет Гридя в то же, что и он сам, а костюм металлиста куда-то исчез.

– Да я снял его, – заметив внимательный взгляд парня, смутился Гридя. И, как бы извиняясь, добавил: – Уж больно неудобно и на коня не сядешь. Но он цел! – горячо проговорил он. – Я его схоронил. Сейчас поедем и заберем.

Но Павел уже забыл о костюме, о томительном ожидании, перед его взором всплыло посиневшее, с выкатившимися глазами лицо Любомудра. И он торопливо остановил радостные объяснения Гриди:

– Там лагерь! Монголов там немного осталось! Там Любомудр, – вдруг неожиданно и непонятно начал он кричать, дергая опешившего воина за рукав.

– Ты погоди. Объясни толком, что случилось? – Гридя с тревогой смотрел на него.

Павел как мог торопливо рассказал ему о том, что видел в лагере монголов, о геройском поведении Любомудра. Гридя, привыкший скорее действовать, чем рассуждать, споро вскочил на коня.

– Жди здесь! – крикнул он. – Только не уходи никуда. И, пришпорив скакуна, исчез за деревьями. – Только не исчезай!

Павел обессиленно опустился на землю.

«Вот так, – подумал он, – вот тебе и по пять часов в каждом веке. А что делать?» Действительно, что ему было делать? Только ждать. И он ждал, понимая, что вернуться за ним могут и не так скоро. А после того, как, задремав на начавшем пригревать солнышке, ненадолго проснулся, то и вовсе потерял счет времени. Эх, с каким бы удовольствием он поменял сейчас магнитофон на наручные часы!

Вновь проснулся он от лошадиного топота. И когда увидел сквозь кусты взмыленного коня и устало припавшего к его шее всадника, тут же вскочил и, схватив за уздцы шатающегося от усталости скакуна, остановил его.

Гридя – а это, конечно, был он – поднял голову и устало произнес:

– Успел? Все боялся, что исчезнешь. – Сказав все это, парень буквально свалился на траву. – Там тебя ждут, поехали, – сказал он, а сам в изнеможении прислонился к стволу дерева.

– Куда ехать? Где костюм? Где кресло? Что с Любомудром? – самые важные вопросы почему-то приходили в голову последними.

– Любомудр там, у костра на берегу, видеть тебя хочет, – сидя с закрытыми глазами у комля, устало, но довольно отвечал Гридя. – Кресло на месте, и костюм я там же сховал. – Он неожиданно рассмеялся. – Пашка, а я уж сомневался, что ты здесь. Мыслил, что ты мне привиделся.

– Не привиделся, – заверил приятеля Павел, – да только как мы поедем-то? Ты вон весь вымотался, да и конь твой еле стоит.

– Серко выдержит, – приоткрыв глаза, он ласково посмотрел на своего боевого скакуна, – а сейчас сюда еще хлопцы прискачут. Тебе коня приведут. Я просто упредил всех.

И действительно, как бы в подтверждение его слов, вдаль послышался топот копыт, нараставший с каждой минутой. Из-за кустов показался небольшой отряд русских всадников.

– Ну, где тут наш герой? – сказал один из них, соскакивая на землю. После чего, подойдя к смутившемуся парню, крепко обнял его за плечи: – Спасибо, сынок! Чудно! – добавил он, оторвав Павла от себя и любовно оглядев. – Чудно! Гридя вчера такого напел, что уж не ведали, верить аль нет. Ужель все правда?

Павел, у которого от волнения перехватило горло, лишь молча кивнул.

– Чудно! – еще раз повторил воин и, видимо по праву старшего, отдал команду: – Коня сюда!

Павел со страхом посмотрел на могучего скакуна, которого подвели к нему, и с ужасом вспомнил о том, что пришлось испытать во время ночных скачек. Но тогда его просто везли, а как же он сам-то поедет? Воины же, не предполагая даже о тех мыслях, что зароились в голове парня, уселись в седла и поджидали его. Им и в голову не могло прийти, что для кого-то езда верхом может быть непривычной, а уж тем более вовсе не знакомой.

Собравшись с духом, Павел решительно подошел к коню, вставил ногу в стремя и... ничего у него не вышло. Покраснев, он отчаянно предпринял еще одну попытку, но вновь потерпел фиаско. Воины, поначалу смотревшие на него с удивлением, заулыбались, раздались смешки. Но старший, сам погасив улыбку и еще не поняв, в чем дело, нарочито сердито прикрикнул на них:

– Чего заржали? Устал парень. Вы-то в засаде всю ночь просидели, а ему глаз сомкнуть не удалось. Не ровен час, приспит на скаку, убьется. Давай-ка ты со мной, Пашка, – добавил он и, подхватив паренька, усадил его впереди себя. – Поехали!

На сей раз скачки не показались столь утомительными и болезненными. Но даже несмотря на то, что воин придерживал коня, бережно полуобняв Павла, особых прелестей верховой езды он все равно не почувствовал. И с облегчением увидел, что вдали, на берегу реки, показалось становище русского отряда.

– Остальные-то сейчас в монгольском лагере. Раны залечивают. Убитых земле предать собираются. Тут лишь сотня, – пояснил подъехавший ближе Гридя, – хотя на тебя все желали посмотреть. Каких только слухов про тебя уже нету.

И гордо поскакал рядом, лоя любопытные и чуть восхищенные взгляды.

– Принимайте героя, – без всякой иронии сказал встречающим воин, ссаживая Павла с коня.

А тот сразу же увидел усталый, но такой добрый с лукавинкой взгляд на израненном лице сидящего у костра Любомудра. Улыбнувшись в ответ, шагнул к нему.

– Жив. – Парень остановился, не зная, что еще сказать.

– Жив, Пашка, жив, – ответил тот, поднимаясь. – Дай хоть поглядеть на тебя толком. А то здесь такого наговорили... Да нет, парень как парень, и выглядишь получше, чем вчера. Страшновато у монголов-то было?

– Страшно. – Продолжая улыбаться, Павел кивнул. – А я думал, что тебя убили.

– Куда им, сморчкам поганым, а еще с Русью совладать решили. Тут вон какие орлы. – Он добродушно хлопнул Павла по плечу. – А сейчас к костру давай. Проголодался, небось.

И Павел с благодарностью отдал должное приготовленной снеди, хоть и смущаясь пристального внимания, уписывал приготовленное за обе щеки.

Гридя не терял времени зря. Пока все разглядывали Павла, окружив его и прислушиваясь к разговору с Любомудром и чуть не заглядывая в рот во время еды, сбегал на берег и приволок кресло с магнитофоном и аккуратно сложенный костюм.

– Переоденься, – сказал он, пробравшись сквозь окружение, – вот он, костюм, в целости и сохранности.

Павел смутился, ожидая насмешек воинов по поводу нелепого одеяния. Но те во все глаза, с опаской и уважением смотрели на многочисленные цепочки, нашивки и заклепки. Павел на секунду заколебался. Может быть, лучше продолжить поиски в новом наряде? Ведь не откажут воины в таком подарке. Но, решив, что уже в следующем веке он будет выглядеть одинаково нелепо, что в том, что в другом костюме, а собственный все же роднее, как ниточка, связывающая со своим веком, он решил переодеться.

О том, чтобы отойти и укрыться, не могло быть и речи. Воины все так же стояли, окружив его плотным кольцом и, не сводя глаз, наблюдали за каждым движением. Смущаясь такого внимания, он снял Гридину одежду, оставшись в одних плавках, которые вызвали не меньшее изумление, чем костюм, и торопливо начал натягивать свой «металл». Одевшись, поднял глаза и во взгляде Любомудра заметил что-то новое, какое-то отчуждение.

– Такой, да не такой, – прошептал тот.

Будто этот костюм, этот наряд двадцатого столетия, разорвал те завязавшиеся ниточки, породнившие его с этими бесстрашными, могучими людьми пятнадцатого столетия. Почувствовав это, Павел заторопился.

– Ну что ж, пора ехать, я и так много времени потерял, – сказал он, отыскивая глазами Гридю.

– Вон трон-то, – поманил его тот.

И Павел, все так же окруженный воинами, подошел к машине времени. Оглядел ее и аккуратно переключил рычаги на следующее столетие, набрав 1580 год.

– А ты не можешь поведать, – робко обратился к нему Любомудр, – откуда ты к нам прибыл?

Павлу не хотелось огорчать этих суровых, но добрых и наивных людей, которые за последние часы стали ему близки. Но и рассказывать всю правду он не мог, все равно не поймут, не поверят.

– Я из будущего, – попытался все же объяснить он, – потом жить буду. Через много-много лет. Через пятьсот. Тогда люди вот такую машину сделают. Вот так, – растерянно закончил он.

У кресла повисла напряженная тишина. Сказанные слова были не понятны для воинов, и неловкая напряженность от этого только усилилась.

– Ну и Господь с тобой, – прервал затянувшуюся паузу Любомудр, – откуда бы ты ни был. Может, и говорить об этом нельзя. – Он оглядел своих боевых товарищей. – Спасибо, что помог. В беде не оставил, и пусть будет тебе удача в твоём деле, Пашка.

Тот уже устроился в кресле, поставив на колени магнитофон, когда к нему приблизился Гридя.

– Слушай...

Видно было по лихорадочному блеску глаз, что была у парня какая-то просьба, которую не решался он высказать.

– Да говори ты, Гридя, – улыбнувшись, успокоил стусевавшегося приятеля Павел, – может, надо чего?

– Ты не мог бы, – решившись, высказал тот, – выпустить из этого ящика бесов, хоть на маленько.

И он замолчал, ожидая ответа.

Павел, помня, какой переполох произвело включение магнитофона на Куликовом поле, когда его чуть даже не убили, хотел уже ответить отказом. Но, поглядев еще раз на Гридю, согласно кивнул. О «бесах» были уже слышаны, видимо, все, потому что, когда он взялся за магнитофон, они непроизвольно, в страхе попятнулись. Когда же он включил запись и раздались первые звуки, все вздрогнули от неожиданности. Но вскоре во взглядах отразилось разочарование. «Бесы» оказались не такими уж страшными, легенды значительно преувеличивали. Невдомек им было, что, не желая их напугать, Павел установил громкость почти на минимальную отметку.

– Спасибо вам, мужики, – сказал он, выключив магнитофон, – и прощайте!

– Храни тебя Господь, – ответил за всех Любомудр.

Взглянув на Гридю и улыбнувшись ему, Павел нажал кнопку.

В ту же секунду кресло исчезло с глаз изумленных воинов, вызвав суеверный страх. Только что было, и вот его уже нигде нет! Многие осенили себя крестным знаменем.

– Прощай, Русич, – прошептал побелевшими от волнения губами Гридя.

Но Павел уже не мог слышать этих слов. Он был совсем в другом столетии...

Глава 5. Ожидание

Правду говорят, нет ничего хуже, чем ждать да догонять.

Вадька хорошо понял смысл этих слов на берегу Волги. Весь день просидели они с бабой Надей на берегу. Сначала он взахлеб читал книгу, потом искупался. Перекусили запасенными пирогами с водой.

Читать больше не хотелось. В голову все настойчивее лезли мысли о Пашке. Как он там, что с ним, сумеет ли найти Дашу или хотя бы вернуться вовремя. Страшили мысли даже не о возможном наказании, а о том, что навсегда может застрять в этом далеком непонятном двадцатом веке. Такая перспектива Вадьку никак не устраивала.

Полеживая в траве и размышляя, он не без удивления посматривал на бабу Надю, которая, казалось, не замечала медленно ползущего времени и продолжала свою бесконечную вязанку. Причем ни беспокойства, ни тревоги, ничего не было заметно у нее на лице.

– Вы как будто даже не волнуетесь, – наконец не выдержал Вадька, – а вдруг что-нибудь случилось?

– Волноваться-то надо было вам, да пораньше, – строго поглядев на него, ответила бабушка, – а от моих или твоих волнений сейчас проку никакого не будет.

– И все же, – продолжил Вадька, скорее чтобы поддержать начавшийся разговор, – нельзя же вот так лежать и ждать, ничего не делая.

– Это почему «ничего не делая». Я вот Паше свитер к школе довязываю.

– Свитер-то будет, а Пашки – нет, и неизвестно, где он.

– Экой ты, – не на шутку рассердилась бабушка, – ну чего ты взялся душу травить? Что ты-то предлагаешь?

Никаких, понятно, предложений у Вадьки не было. Поэтому, вздохнув, он промолчал и повернулся на другой бок.

– Да не валяйся ты на солнце, перегреешься. Отойди вон лучше в тенок да почитай, и то проку больше будет.

Но книга вываливалась из рук паренька.

– Ждать – это целая наука, – помолчав, заговорила бабушка. – Я вот, почитай, всю жизнь жду. Мои-то археологи каждое лето, а то и зиму в экспедиции. И где их только не носило. И в Африке, и в Америке, и в степи, и в горах, и в пустыне. Чего только не было. Иной раз уж думала и не дождусь. Мало ли какая беда может приключиться. Они хоть не все мне и рассказывали, да узнавала потом и как змеи кусали, и как в наводнение спасались. А то без воды и поклажи в пустыне остались, чуть живых нашли. А чем я им могла помочь? Только ждала и верила. Да Паша с Дашенькой у меня на руках были, отвлекали от дум да переживаний. Подросли – и их начала ждать. Даша-то поспокойнее, а Пашка, он всегда в какую-нибудь историю вляпается. Вон прошлым летом поехал на дачу, день, два – нету. Петро возвращается, а его и на даче, оказывается, не было. Мы уж и в милицию было обращаться, глядим – заявился. И где, думаешь, его носило? Не придумаешь нарочно. Решил испытать себя на прочность в экстремальных условиях. Переплыл на остров и решил прожить Робинзоном, сколько выдержит. На три дня его только и хватило. Нет, он упрямый. Конечно, дольше бы продержался, и спички, и леску, и топор с собой прихватил. Только попер его с этого острова рыбнадзор, когда додумался он себе хижину строить и деревца для этого вырубать начал. Насилу уговорила, чтоб в милицию не сдавали. А надо бы было. А ты говоришь – не волнуюсь. Волнуюсь, конечно, да только ждать надо, больше нам ничего не остается. Разве ваши там только хватятся да придумают чего. – Она вопросительно поглядела на паренька.

– Не-е, – неуверенно протянул тот. – Так быстро хватиться не должны. Пока брат не вернется, никто ничего не заметит.

– Вот то-то и оно, – вздохнула бабушка, продолжая споро работать спицами. – У вас-то там, наверное, спокойнее жить. Поди, уж не дадут человеку в пустыне пропасть или в наводнении сгинуть.

– Всяко бывает, – протянул Вадька. – Особенно в космосе, на базах. На земле-то проще, а там не всегда помощь успевают. Да и во времени историю изучать небезопасно. К этому редко кто допускается. Да и в океане небезопасно. У меня вот родители заняты разведкой залежей на больших глубинах, а это почище космоса будет.

– Во-во, – в очередной раз вздохнула бабушка, – значит, и у вас там покою нет. Значит, и там ждать и тревожиться приходится. Да еще такие пострелы номера откалывают. Сладу с вами нет и ни в каком веке, наверное, не будет.

Бабушка замолчала, погружившись в свои мысли. Молчал и Вадька, задумавшись над ее словами. День начал клониться к закату, но солнце еще припекало, и никакие посторонние звуки не нарушали прибрежную тишину.

– А мы что, здесь и ночевать будем? – спросил Вадька.

– Да нет уж, милоч, мне еще простудить тебя не хватало. Ночевать домой пойдем. Если уж они ночью появятся, пускай сами добираются. Тогда хоть машину твою в кустах можно оставить будет. Здесь ночью-то никто не ходит.

– Да здесь и за весь день никого не было, – резонно заметил Вадька.

– Береженого Бог бережет. А то растащат твою машину, куда деваться будешь? Мне второго такого шалопутного внука не надо. Ты уж своим родителям да бабушкам хлопот доставляй. Есть у тебя бабушка-то?

– Ага. Только она не с нами живет. Они с дедом полярниками были, так на Севере и остались. Сейчас только на праздники порой прилетают, да я к ним на каникулы иногда езжу.

– Так-то легче, – заметила бабушка, – хоть всех проказ твоих не видят.

Разговор снова затих, и Вадька раскрыл книгу. Вечером начали одолевать комары, и он с облегчением увидел, как баба Надя начала укладывать в сумку свое вязанье.

– Собирайся, – сказала она, поднимаясь. – И ужинать уже пора, одними пирогами сыт не будешь, да еще всухомятку.

Домой пришли, когда на небе стали появляться первые звезды, а в окнах домов зажигался свет. Умывшись, пока бабушка занималась ужином, Вадька отвел душу от дневной скуки тем, что пересмотрел все книги, многие из которых у него вызвали полный восторг.

Затем разобрал стиральную машину, вскрыл крышку телевизора и убедился, что разобратся в их устройстве довольно сложно. Пожалуй, даже посложнее, чем в самых современных моделях его века. Сам принцип устройства был совершенно иным, давно устаревшим. От всех этих занятий его отвлек возмущенный бабушкин голос:

– Ты гляди, чего натворил, – захохла она, заметив наведенный им беспорядок. – На полчаса оставить нельзя. А кто же собирать все это будет? Или прикажешь мне по старинке без телевизора сидеть и стирать вручную?

– Я сейчас все быстренько соберу, – засуетился Вадька, – все будет в порядке.

Но баба Надя, заставив его вымыть руки, прогнала в кухню. После тарелки наваристого борща да доброго куса подогретого курника он с трудом вылез из-за стола. Стиральную машину собрал быстро, и она даже работала. А вот с телевизором, пока бабушка наводила порядок на книжных полках, попотел изрядно, но все же добиться приемлемого изображения на экране ему не удалось. Хотя звук был хорошим. Он бы так и продолжал эти попытки, если бы баба Надя решительно не выдернула шнур из сети и, строго покрикивая, не отправила его спать.

Так закончился первый день, проведенный Вадькой в двадцатом веке.

Так закончился первый день ожидания.

Глава 6. В библиотеке Грозного

Страшно хотелось есть, судорогой сводило промокшие ноги, но надеждам Ерохи не суждено было сбыться. И этот ход заканчивался тупиком. К непроглядной темноте подземелья он уже привык, а вот к холоду и голоду привыкнуть оказалось невозможно. Не первый раз уже в его голову приходила мысль: сесть на пол, в хлюпающую под ногами воду, прислониться к окслизлой стене, закрыть глаза и отдаться на волю Божью.

Радость оттого, что сбежал от стражи, давно уже прошла. Он даже был готов ругать себя за то, что ушел, а не отдался на волю этих царских собак, как сделали остальные.

– Беги, сынок, – шепнул ему на ухо отец, когда проходили они мимо одного из многочисленных ответвлений подземного хода. И, не давая времени на раздумье, чувствительно толкнул его в спину.

Он и бежал. Стража отстала быстро. Да и не с руки было им преследовать одного, бросив всю оставшуюся группу землекопов. А он долго бежал, путая след, ныряя из одного перехода в другой, пока окончательно не заблудился. И теперь показалась Ерохе завидной участь остальных, они хотя бы были вместе. На миру, как говорится, и смерть красна. Хотя он и не верил догадкам отца, что вели их на смерть.

Где он теперь, отец? Где остальные? Где все люди? Где Москва? Как будто на дворе был не конец шестнадцатого века, а попал Ероха в мрачную, страшную сказку, кои сказывала ему матушка. Сколько он уже бродит по этим переходам, наталкиваясь только на подернутые сыростью стены, запертые двери да крысы. Сутки? Двое? Или уже целую вечность?

Внезапно вдалеке послышался какой-то шум. Уж не почудилось ли? Он затаил дыхание, перекрестился и стал напряженно вслушиваться в темноту. Нет, не пригрезилось, шаги и приглушенный разговор различались все яснее. Только звук шел, казалось, из-под ног, из стены. Вдруг на воде промелькнули блики пламени. Ероха пригляделся и увидел, что в стене у самого пола есть отверстие, как бы для стока воды. Он встал на четвереньки и убедился, что звук и свет шли именно оттуда.

Теперь, когда долгожданная встреча с людьми оказалась так близка, он забыл о голоде и холоде, только одна мысль запульсировала в голове: кто там? Спасение или... Стараясь шуметь как можно меньше, он начал протискиваться в узкий, но, как оказалось, довольно длинный лаз.

Ободрав плечи о каменные плиты, Ероха добрался до конца хода и осторожно выглянул. Лаз заканчивался неглубокой канавой, по которой неспешно журчала вода, а выше тянулся темный длинный коридор с невысокими закопченными сводами. Вот по нему-то и шли четверо. Впереди и позади два стражника с факелами в руках. А между ними какой-то старец, которого поддерживал мужчина в боярской шапке и длинном кафтане. Пламя факела колыхнулось, высветив сухую сгорбившуюся фигуру старика.

Царь! Иоанн! Грозный! Как молния поразила эта картина подростка. И он не удержался от вскрика. И крик этот громом разнесся под сводами. На секунду опешившие стражники тут же бросились к канаве.

Ероха отчаянно пытался протиснуться по лазу назад, но было слишком поздно. Наклонившись, стражник схватил его за волосы и дернул с такой силой, что только искры из глаз посыпались...

Стражники вытащили Ероху из узкого лаза, в котором тот застрял, и приволокли к царю. Иоанн лишь мельком взглянул на него и тут же гневно обратился к сопровождавшему боярину:

– Так-то, Никита Романович, ныне царскую волю блюдут, – несмотря на телесную старческую немощь, глаза его грозно сверкали, – в потайные ходы смерды забираются! Они скоро все тайники наши поразорят! Крепка ли Русь будет, коли порядка нет?

Стоявший рядом боярин, как разглядел ошалевший от страха Ероха, был также немолод. Внимая царским речам, он лишь спокойно склонил голову, как бы прислушиваясь, соглашаясь, и почтительно молчал, пока гнев того не поостыл.

– Намедни только последние работы закончили, – ответил он спустя время, – сам проверял. Знатно каменщики потрудились, и, не поверишь, ране в тех местах проходы были. Всех их вывели, подземелье очистили, в ум не возьму: откеле сей отрок взялся?

Опершись о руку боярина, Иван Васильевич Грозный – а это был именно он – повернулся и вновь пошел по тайному ходу. Повинуясь знаку его руки, один из стражников вышел вперед, освещая факелом дорогу, другой шел позади, одновременно приглядывая за Ерохой, чтобы тот ненароком не удумал бежать. Но паренек и не мыслил об этом. Растерянный и оглушенный всем произошедшим, он покорно шел, подталкиваемый иногда стражником в спину.

Оглушен он был не только тем, что вдруг очутился перед лицом самого царя. Как гром его поразили слова боярина о том, что каменщиков всех вывели. Значит, зря бежал? Значит, все это были лишь досужие байки? Ведь все каменщики после оговора стражника были уверены, что им из-под земли не выбраться. И что вместе с последним тайным ходом они заложат собственный склеп. Да и усиленная охрана работ только подтверждала это предположение.

Оттого и толкнул его отец, крикнув «Беги!», чтобы хоть он, может быть, выбрался и вернулся в семью кормильцем. Получается, все это зря? Выходит, отец и старший брат уже наверху, уже дома? А он здесь, возможно, жизнью рассчитается за свой и отцов опрометчивый поступок. Ероха понурил голову и покорно шел навстречу своей судьбе.

Совершенно неожиданно из бокового прохода, который заканчивался тупиком, раздался пронзительный свист, громом прокатившийся под темными сводами подземелья. Все, вздрогнув, остановились. Шедший впереди стражник, перекрестившись, шагнул в пугающий зев прохода, с опаской высвечивая его факелом. Боярин и царь подались несколько назад. Выдвинувшись вперед, второй стражник как бы прикрыл их от неведомой еще опасности...

Уже через мгновение после нажатия кнопки Павел понял, что оказался совсем в другом месте. Исчезли лица русских воинов, не светило солнце, не было звезд. Пахло сыростью, плесенью и еще чем-то затхлым. Абсолютно ничего не было видно или слышно, и только звук упавшей капли отдался под сводами подземелья.

«Пещера», – подумал Павел. А через секунду, услышав осторожные шаги и заметив отсвет пламени в проходе, так же мысленно добавил: «Обитаемая». Это его несколько насторожило. В шестнадцатом веке он надеялся попасть в более развитое, цивилизованное общество, а не в какую-то дикую пещеру. Пламя факела высветило фигуру человека в непривычной, но смутно знакомой по историческим фильмам военной форме. Видны стали и своды, которые явно были выложены человеческими руками. Павла это немного успокоило.

«Ну что ж, познакомимся», – хотя и не без опаски подумал он, вставая с машины при приближении военного.

Стражник тоже заметил парня и нерешительно остановился, держа в одной руке факел, в другой саблю. Затем молча махнул, приглашая Павла подойти. Большого страха не было, он уже понял, что стоящий перед ним военный – русский. А своих он, пережив монгольский плен, боялся меньше. Да и пережитые опасности притупили это первоначальное паническое чувство страха при встрече с незнакомым веком.

Разглядев, что перед ним всего-навсего молодой парень, хотя и странно одетый, стражник все так же молча пропустил его вперед себя, а затем, схватив за шиворот, грубо вытолкнул из прохода. Он боялся, что царь заметил его первоначальную робость, и стремился загладить это впечатление.

– Еще один, – хрипло сказал он, освещая Павла.

– Мы будто по площади гуляем! – Гнев вновь охватил Грозного. – А ведь тебя, Никита, я просил оберегать тайну от стороннего глаза. Таково-то твое усердие? На кого я еще положиться могу? Кругом измена! Предательство!

От появления нового пленника даже невозмутимое доселе лицо Никиты Романовича выказало удивление. На сей раз он вовсе промолчал на гневную тираду государя. Да и что было отвечать? Необходимо было во всем разобраться. И вся эта странная группа, повинувшись царскому знаку, молча пошла дальше. Попытку Павла заговорить прервал хороший подзатыльник стражника, после чего он решил не спешить с инициативой, пока не разобрался, что к чему.

Долго идти не пришлось. Жестом остановив стражников с пленниками, Никита Романович взял один из факелов и прошел с царем вперед. Они остановились у глухой стены. Павел не видел, чем привел боярин тайный механизм в действие, но казавшаяся монолитной стена разошлась, открыв еще один проход. Царь и боярин шагнули в него, стражники с ребятами остались на месте. Вскоре помещение за открывшимся проходом ярко осветилось.

– Куда они делись-то? – не выдержал Павел.

Но ответом ему послужил еще один подзатыльник.

Из прохода появился Никита Романович.

– Тащи их сюда, – приказал стражникам боярин.

Те резво и довольно чувствительно для ребят бросились выполнять приказ. Брезгливо осмотрев их перед входом, боярин отступил в сторону, давая пройти, а стражников жестом отправил назад. Но тут один смиренно попросил выслушать его и, оглянувшись по сторонам, что-то зашептал Никите Романовичу на ухо.

– А ты чего же раньше-то молчал? – строго спросил боярин, выслушав.

– Да государь гневался, – робко промолвил тот.

– Ладно, никого здесь боле нет, быстро, одна нога здесь, другая – там, волоките его.

Повинуясь приказу, стражники бросились назад, в темноту.

Войдя в освещенный проход, Павел и Ероха в изумлении остановились. Это был довольно просторный зал с невысокими сводами. Освещали его укрепленные в стене зажженные факелы. По стенам зала были настроены полки, на которых лежали какие-то свитки, толстые книги, украшенные разноцветными камнями, на полу стояли сундуки, коробка, ящики.

С любопытством осматривая все это, Павел не сразу заметил худую, немощную фигуру старичка, примостившегося около одного из стеллажей. Тот внимательно разглядывал вошедших. И когда увидел, что его заметили, недобро усмехнулся.

– Ну что ж, проходите, располагайтесь, гости незваные. Жаль, потчевать вас нечем, – еле слышно проговорил он. Помолчал немного. А затем вдруг громким, не по-старчески зычным голосом, в котором чувствовалась привычка повелевать и держать в страхе, добавил: – Сказывай, кто таков и по какой причине, словно тать, хоронился в подземелье.

Было непонятно, к кому из пареньков был обращен вопрос, но более привыкший к повиновению и подчинению Ероха, услышав слова Грозного, сразу упал на колени.

– Не вели казнить, государь! – Он в поклоне склонил голову, не смея взглянуть на царя. – Ероха я, Посадский. Мы тут проходы закладывали. А потом... – он несколько замялся, – потом заплутал я. Выхода найти не мог. Уж другой день брожу, однако. Ежели б не свет ваш, так и околел бы тут от холода и голода.

Сказав это, он снова распластался на полу, а плечи его сотрясались от едва сдерживаемых рыданий. Павел изумленно смотрел на разыгрывавшуюся перед ним сцену. «Неужели это настоящий царь?» – думал он, с сомнением поглядывая на старика. Или же он неверно понял обращение каменщика.

– А, так это ты – беглый, – с удовлетворением произнес Грозный. – Как же, как же, мне уже докладывали. А чего бежал-то? – смягчая голос, спросил он.

Но Ероха молчал, лежа в той же позе и боясь сказать правду царю.

– Отвечать! – крикнул тот.

Парень поднял от пола заплаканное лицо и, опустив глаза, робко заговорил:

– Помилуй, государь! С перепугу все это. Как повела нас стража, решили все, что не видать нам больше свету божьего, не выпустят нас наверх. Стражник один об этом молвил. Мол, теперь осталось вам только самих себя замуровать, и дело будет кончено. Вот и подтолкнул меня батюшка, когда шли проходами. Чаял, если его с братом ждет смерть неминуемая, может, я спасусь. Для матушки опорой останусь, кормильцем для младших, – сдерживая рыдания, со всхлипом закончил он и тут же снова рухнул ниц.

– Распустили языки, – задумчиво проговорил царь. – Никакого порядку нет. А порядку не будет – все дело рухнет. Все труды будут загублены...

Странно, но никакого страха у Павла не было. Он лишь молчаливо смотрел, стараясь понять, где это он очутился, а резкие окрики старика его совсем не пугали. И чего он может ему сделать? Да и не виноват он перед ним еще ни в чем. Царь не царь, но не монгольский же хан, в конце концов. Свой. Русский.

– А ты что за птица? – обратив взор на Павла, начал допрос государь. – На каменщика что-то не похож. Уж не скomorох ли? Ишь, как вырядился. Или блаженный наподобие моего Васьки? Али вынюхиваешь чего?

– Да чего вы все: то блаженный, то лазутчик. Будто сговорились, – совсем не робко ответил Павел, глядя государю в глаза.

– Измена кругом, измена, – покачал головой старик. – Так кто же ты будешь, такой обидчивый.

– Павел я, Пашка, обыкновенный нормальный человек. Обыкновенный ученик обыкновенной школы. Я же вас царем не обзываю, даже если вы и вправду царь.

Или же от таких непонятных речей, или же оттого, что парень не выказал страха перед ним, привыкшим к беспрекословному повиновению и подчинению, Иван Васильевич поначалу опешил. Но затем негромко так, весело рассмеялся:

– Горячий, ох горячий. А кто таков, не возьму в толк.

Он еще что-то хотел добавить, но тут у прохода вновь послышался шум. Появился Никита Романович, волоча машину времени вместе со стоящим на ней магнитофоном. Павел усмехнулся, глядя, как немолодой уже царедворец пытался сохранить невозмутимость и боярское достоинство, выполняя эту не свойственную для него работу. Стражники, судя по всему, в зал не допускались.

– Вот это с ним было. – Поставив кресло и отдуваясь, Никита Романович кивнул в сторону Павла.

Грозный, не сумев скрыть удивления, посмотрел сначала на внесенные предметы, на тяжело дышащего боярина, затем перевел взгляд на ухмыляющуюся физиономию Павла.

– Ты смотри-ка, смешливый какой, – задумчиво заметил он и замолчал, пытаясь оценить увиденное, уяснить, разобраться, кто же все-таки этот отрок и что означают эти предметы. Как опытный властитель, он не хотел выказывать своей растерянности, продолжая допрос. – Давай выкладывай. Больно уж меня любопытство разбирает, – молвил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.